

Виталий Храмов

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Виталий Иванович Храмов

Сегодня – позавчера.

Испытание огнем

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Серия «Сегодня – позавчера», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25439844

Храмов, Виталий Иванович Сегодня – позавчера: Испытание огнем: роман: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва;

2017

ISBN 978-5-17-105145-7

Аннотация

Случайная смерть – и ты в теле старшины Кузьмина в 1941 году. Но память говорит – это какой-то неправильный 1941 год.

Почти вся Москва захвачена немцами, но Советский Союз сопротивляется из всех сил. Сталин не сбежал, и его ставка в подземной Москве, в метротуннелях. Подтягивают резервы, и возможно, ход войны удастся переломить. Нужно приложить все силы, знания, чтобы помочь Родине выстоять. Значит, придется идти в бой, и еще раз в бой, и еще раз до полной победы.

Содержание

Пролог	5
Опять «котлета»	10
Опять «котлета» (1941 г.)	19
Опять «котлета» (1941 г.)	41
Опять «котлета» (1941 г.)	52
Узник (1942 г.)	60
Узник (1942 г.) Словесные танцы	68
Узник (1942 г.) В пыточной	82
Узник (1942 г.) Свидание со старым знакомым	86
Узник (1942 г.) Суд инквизиции	92
В гостях у «шурочки» (1942 г.) Маршевая рота	98
В гостях у «шурочки» (1942 г.) Особенности ночёвки штрафников	107
Руины столицы (1942 г.) В роли жертвенного барашка	121
Руины столицы (1942 г.) Ставим танк на перо	146
Руины столицы (1942 г.) Атака	153
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Виталий Храмов

Сегодня – позавчера:

Испытание огнем

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

© Виталий Храмов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Я – попаданец. В начале двадцать первого века я по собственной невнимательности и нерасторопности угодил под железнодорожный вагон и оказался в сорок первом году, в теле старшины Кузьмина Виктора Ивановича, смертельно раненного при бомбёжке эшелона, которым полк старшины перебрасывался на фронт. Тогда нам, мне и телу Кузьмина, умереть было не суждено. Я был подселён в Кузьмина на испытательный срок. Правда, в чём заключалось моё испытание – не знал. Но оставаться в стороне в столь тяжкий для страны момент не мог. Я очень хотел помочь Родине и своему народу, но не знал, чем и как. Знаниями или навыками полезными не обладал – экономист по образованию, в армии не служил, в технике не разбирался. Жизнь меня маленько помотала, и, как впоследствии оказалось, привила некоторые навыки, оказавшиеся полезными. Так получилось, что я больше половины трудовой деятельности руководил людьми и процессами (хотя и малыми делами и коллективами), обычно на самых сложных и безнадёжных направлениях, от которых амбициозные мои товарищи сумели отвертеться, а я, крестьянский сын, не сумел, за что и бывал бит и вздрючен регулярно. Зато появились стрессоустойчивость, умение видеть суть, то есть определить корень проблемы, выработалось интуитивное деловое чутьё, усвоились

основы психологии коллективов, умение разбираться в людях и мотивировать их на неблагодарный труд. Последнему научился спонтанно, и этому завидовали все. Я мог за пару минут уговорить бригаду сделать самую поганую работу, честно сказав им в самом начале: «Ребята, заплатить вам за это не смогу, но...» И они делали. Матерясь. И уважали меня после этого, а других посылали грубыми матерными оборотами.

Но оказавшись в сорок первом, я об этом и не вспомнил. Понимал лишь, что прогрессор из меня не выйдет, и очень расстроился. Потом, правда, решил: делай, что должен, и будь, что будет. Решил попасть на фронт и хотя бы что-то предпринять, хоть одного немца, но завалить. Так я оказался в добровольческом батальоне, сформированном из сотрудников НКВД. Я к НКВД отношения вообще никакого не имел, но так сложилось. Осенью мы попали на фронт, исключительно плодотворно повоевали, набили много танков, перебили много немцев и, самое главное, задержали целую танковую (а может, и не одну) дивизию на переправе на несколько суток. Батальон был разбит, но тылы и раненых удалось отвести прежде, чем захлопнулось окружение. Потом я, волей комбата (царствие ему небесное, фундаментальный был мужик) назначенный врио комбата (при старшинском-то звании), вел остатки разбитого батальона по тылам врага, обрастая отбившимися от своих окруженцами и освобождая наших красноармейцев из плена.

И вот в ходе этого лесного вояжа произошло ещё одно невероятное событие: в лесу мы берём в плен откровенно неприятного типа – крайне деморализованного снабженца. И это оказался я сам, то есть мой двойник, я-два, также оказавшийся в прошлом на своём «Шевроле» с несколькими носимыми радиостанциями и разными канцтоварами. Только тогда я понял, что нахожусь не в прошлом своего мира, а в прошлом какого-то другого. События сорок первого в этом мире развивались ещё драматичнее, чем в моём.

Отличия навскидку: маршал Победы Жуков Г. К. пропал осенью при перелёте из блокадного Ленинграда, немец вошёл в Москву, до поздней зимы столица разрушалась жесточайшими уличными боями, поглощавшими, как мясорубка, дивизии за дивизиями. И хотя потом удалось охватывающими ударами с севера и юга освободить Москву, война была проиграна. В сорок пятом война подошла только к границам СССР, а в сорок седьмом вермахт капитулировал перед Западом после ядерных бомбёжек. Но война не кончилась. Антигитлеровская коалиция стала тут же Анτικοминтерновской. Ядерные бомбёжки русских городов, капитуляция на позорных условиях. Крах и уничтожение русской цивилизации. Сатанинский мировой порядок на планете под ядерной дубиной теневых хозяев Запада. Почти легальное рабство, расцвет трансплантации органов, серый рынок рабов на «запчасти», общемировой голод и нищета. Кроме «золотой» сотни миллионеров. Вот они-то жили не то что ши-

карно, а сверхшикарно. Это был даже не неофеодализм, к которому скатывался мир в моей истории, а неоантичность с абсолютно отморозенными полубогами и миллиардами рабов. Третьего, среднего класса не было, как не было и НТП. Ни космоса, ни лазеров, ни компьютеров, ни реактивных самолётов. Один сплошной менеджмент.

Что делать с этим? Мне казалось, что я знал решение. Я-два рассказал, что во время боёв за Москву в результате предательского заговора был убит Берия, и все курируемые им проекты – оружейные, атомные, разведывательные и контрреволюционные, были похерены. Развитие оружия споткнулось, атом опоздал и не спас страны, разведка не смогла предугадать действий противника, с заговорами справиться стало некому. Сталин «заболел» и «ушёл», страна рассыпалась, попала в рабство даже не к «полубогам», а в рабство к немецкоязычным рабам.

Все эти все сведения мой аморальный, доведённый жизнью до скотского состояния двойник записал на листы бумаги. Я решил довести этого попаданца с его сведениями до своих и передать Берии в надежде, что легендарный Лаврентий Павлович сумеет грамотно распорядиться этим подарком, хотя бы не даст тупо застрелить себя в спину. Я-два смотрел амерский фильм о «героях», сумевших казнить палача «пятьсот-миллионов-невинно-убиенных», а потом ещё и читал запрещённую книгу сорок шестого года издания с материалами следствия. Так что у нас были фамилии заговор-

щиков, их высоких покровителей и структура их организации.

Но при прорыве линии обороны врага я-два был смертельно ранен, и я лично добил его, а потом и сам был убит.

Опять «котлета»

Когда я очнулся в следующий раз, застонал. Кто-то вскрикнул и убежал. Я ничего не видел – на глазах были повязки. Я лежал. Связанный.

– Он меня слышит?

– Он пришёл в себя.

– Старшина Кузьмин, я начальник особого отдела дивизии капитан Паромонев. Вы меня слышите?

– Угу, – ответил я ему, закашлял и тут же застонал. Боль! Вся, блин, моя жизнь в этом времени – постоянная боль!

– Где ваши пленники? Где записи? Куда делись ваши спутники?

Ага! Значит, ни Кадета, ни записей они не нашли? Уже хорошо. Леший говорил, что Кадет был жив. На этой стороне был жив. Леший его проводил. Это кто же с ним остался? Бородач, Финн и девчонка? Это надёжные, тёртые мужики. Они знают цену тому, что несут. И гарантированно ни в одной из обойм подковерных партий не состоят. Только бы дошли!

– Никто не выжил. Ничего я не смог! Пристрелите же меня! Чего мучаете! Мля! Больно-то как! Всё пропало! Всех я потерял! И записи погибли! Доктор! Сделайте что-нибудь или пристрелите!

Вот такую истерику я закатил. Хотя она была искренней.

Мне и правда так больно, что жить не хочется. Тем более что всё от меня зависящее я сделал. Больше ничем помочь не могу.

Если Кадет дойдёт, если Парфирыч окажется тем, кого я в нём увидел, если Берия поверит, если сумеет... Слишком много «если». Но от меня больше ничего не зависело. Я больше никак ни на что не мог повлиять. Можно и помереть со спокойной душой.

– Доктор, какие шансы? – услышал я вопрос Паромонева.

– Никаких. Любая из его травм могла его прикончить. Большая кровопотеря, начавшаяся гангрена старых ранений – он уже был ранен и не один раз. А с медикаментами сами знаете, какое положение. Я не знаю, чем тут помочь.

– Сделайте, что возможно. Он должен ответить мне. За всё, что натворил.

– Да пошли вы нах! – прохрипел я. Мне было глубоко плевать на них. Вдруг всё показалось таким мелким, незначительным, несерьёзным до смешного. Какая мне разница? Какое мне дело до какого-то Паромонева с его предьявами? Я уже не в его власти, я одной ногой не в этом мире. Я почти в вечности. Единственное, что удерживало от падения в вечное ничто – боль. Боль такая, что я взвыл:

– Господи! Избавь меня от страдания! Дай избавления! Дай умереть!

Но Он оказался глух к моим мольбам. И я продолжал мучиться. Видимо, мой долг не исполнен. Но что я могу ещё-

то? Хотя Ему виднее. Ну что ж, Христос терпел и нам велел. Посмотрим.

В этом состоянии безумия от боли, в состоянии полусмерти, ко мне стали приходить странные сны. Однажды, проваливаясь в обморок, одной ногой в могиле, вот что я увидел.

Судьба Голума

(наше время)

Шея моя затекла, от этого я проснулся. Оказалось, уснул я за столом, положив голову на руки, отчего те затекли и онемели. Я сел, кресло скрипнуло. Задел мышью, и экран компьютера зажёгся, выходя из спящего режима. С экрана на меня смотрел Excel с открытым табелем моей бригады. И, как часто во сне бывает, даже нигде не шелохнулось, что я не в богом забытом госпитале, а дома, за компом.

За окном уже стемнело. А я дома был один. Так не бывает. Не должно быть. Потемну только я бываю вне дома – работа такая, а вот моей семье положено ночью спать. Сотовый лежал рядом. Позвонил жене – «абонент не абонент». У сына – та же песня.

Я забеспокоился. Заметался по комнате. Я никак не мог вспомнить, где они. Поставил чайник на газ, набрал тёщу.

– А они ещё не вернулись с речки? Не помнишь? Ты хоть что-то помнишь? Совсем у тебя мозги отказали! Они на речку ездили. Уже давно должны были вернуться.

Чайник тревожно засвистел. Намешил себе растворимо-

го кофе, позвонил подруге жены. Они почти всегда на реку ездят вместе.

— Да, вместе были. Как нету?

Из последовавшего следом потока слов и эмоций я выудил, что как за вечерело, моя любимая, оставив сына и одну из подруг, живущую рядом с нами, поехала (моя единственная из всех там присутствующих водила машину) везти эту, что сейчас несла пургу в трубку, и ещё двоих на другой конец города. Потом она должна была вернуться за сыном и приехать домой. Четыре часа назад.

Я бросил трубку. Звоню той, что была с сыном на пляже. Сонный, пьяный голос мне ответил, что она дома, не дождалась моей жены. Подъехали её знакомые ребята, и она укатила с ними.

— Мой сын? — заорал я.

— А чё ты орёшь? Он отказался. Сказал, ждать мать будет.

— Сука, шалава! — заорал я, бросая телефон.

Пнул диван, схватил обратно телефон, схватил бумажник, выскочил из дома.

Как я и надеялся, на углу, у супермаркета, стояли два бомбилы. Договорились быстро, летим на пляж, в Донское. Как я заметил, почти в каждом городе, где есть река или водоем, есть часть города или посёлок на берегу, носящий это прозвище. Официально или нет.

Доехали. Выскочил из машины, бегу, ору.

– Папа! – кричит зарёванный голос. Сын бежит навстречу. У меня кияток пролился по жилам и брызнул из глаз. Сгрёб в охапку, чуть не раздавил.

– Мама, мама, – говорил сын, – она обещала. Что-то случилось!

Мой бедный мальчик. Один, в темноте, перепуган, но переживает не за себя, а за мать.

– Разберёмся! – отвечаю я ему. – Где твой телефон?

– Дома. Я же с мамой. Был.

Тут мужество оставило моего мальчика. Он заревел в голос. Сука, шлюха (подруга жены) оставила десятилетнего ребёнка одного. Ширинки увидала и поскакала!

– Разберёмся.

Посадил сына в машину, велел ему и бомбиле ждать, убежал окрестности – ничего.

Отвёз сына домой, как смог успокоил.

– Я поеду маму поищу, а ты постарайся поспать. Если надо, свет оставь, лады?

– Пап, ты за меня не бойся. Ты маму найди. Может, она колесо проколола?

– Найдём, колесо поменяем. Я тебя закрою. Идёт?

– Угу.

Он включил телевизор, обнял подушку, завалился на бок на диване, зажмурился. Я поцеловал его в темечко, выбежал из дома.

Бомбила ждал. Мы поехали с ним по маршруту, которым

моя любимая должна была проследовать. Потом по менее вероятному маршруту.

Рассветало, но так же – никакой ясности.

– Может, загуляла? – решил, наконец, бомбила. – Бабы они знаешь какие?

– Знаю. И хорошо бы так, но... Хорошо бы так.

Во мне закипало отчаяние. Она не могла загулять. Она не могла заблудиться. Не сломалась машина, она не попала в аварию – машину бы не успели убрать. Значит, что-то более мрачное и страшное. Липкий страх полз по спине.

У дверей ментовки позвонил на работу, сказал, что не могу выйти. Выслушал, что так нельзя, что это увольнение.

– Пох, – ответил я в трубку, – я не могу выйти.

И, сбросив вызов, зашёл в линейный отдел.

Я, в принципе, и ждал, что моё заявление не вызовет энтузиазма. Я понимал, что они думают: загуляла баба, появится, а нам бумаг оформлять миллион. Понимал. Потому не убеждал, не просил, просто гнул своё. Наконец они приняли моё заявление на пропажу жены и заявление на угон машины. Заявы разные, пойдут по разным ведомствам, а цель будут преследовать одну. Дождался, пока не увидел фотку жены в компах ментов, в разделе «Их разыскивают».

Тут же позвонил куму. Он у нас в милиции служит. Хотя и старлей всего, но в криминальной милиции. Это у них подразделение такое. Он меня выслушал, обещал подсуетить-

ся. Не задавал глупых вопросов про загулы – он мою жену хорошо знал, как-никак он её троюродный брат. Знает, что она умница. Если и загуляет, то так, что никто не догадается. Так глупо, с розыском в милиции, она не сможет.

Потом позвонил ещё одному хорошему другу семьи. Тот уже дослужился до полковника милиции. В Чечню ездил, чтоб полканом стать. В той командировке он подорвался на фугасе, полгода валялся по госпиталям, но смог восстановиться. Даже полковника получил. А то служил пять лет на полковничьей должности в звании подпола.

Он молча выслушал. Спросил только:

– В последний месяц медкомиссий она не проходила?

– Проходила. У неё же через неделю соревнования.

– Понятно. Всё, Виктор, ты больше ничего не предпринимай. Жди. И постарайся успокоиться.

Как тут успокоиться? И этот вопрос про медкомиссию, он к чему? О чем ты, опер, знаешь? Что там случилось?

Пришёл домой. Сын уже не спал. Молча смотрел на меня. Я сел рядом на диван. Уставился невидящими глазами в телевизор.

– Я к бабушке? – спросил сын.

Когда ты успел так повзрослеть, сынок?

– Да. Пока поживёшь там. Собирай вещи.

– Ноут братъ?

– Возьми всё, что считаешь нужным. Да, готовься, что надолго. Лето, авось.

После недолгих сборов уже другой бомбила отвёз нас в пригородный посёлок, где жили тёща с тестем. Пришлось им отчитаться о своих действиях. После недолгого семейного совета было постановлено, что действия мои были верными. И что я ничего не забыл, сделал всё, что нужно, ничего не упустил, чего от меня, дырявоголового, не ждали.

Приехав домой, обнаружил машину кума у подъезда. Кум вышел, обнял, достал с заднего сиденья звякнувший пакет.

Нажрались. С горя. Моя любимая как в воду канула. Даже менты уже не надеялись на благополучную развязку — нашу машину перехватили на выезде в соседнюю область. План «перехват» — есть у них такой. Человек, что вёл машину, не подчинился требованию остановиться, попытался скрыться, открыл огонь из автомата. Погоня продолжалась два часа. Бандит загнал машину в лесной массив, где бросил машину и затерялся в зарослях. В салоне была обнаружена кровь. Окровавленная одежда моей жены.

Следующих дней я не помню. Бухал. Я. Не пьющий. Бухал. До потери способности думать. Смутно помню только лицо отца, что пытался как-то образумить меня. Помню, что мне стыдно перед ним. Наверно, нахамил.

А потом меня вызвали на опознание. В морг.

На столе лежало тело, накрытое какой-то зелёной клеёнкой. Из-под покрывала торчали ноги. Пахло горелой человеческой плотью. Я не должен был знать этого запаха, но в сорок первом нанюхался.

Какие-то люди что-то мне говорили. Что-то из официоза. Я не смог поднять покрывала. Не смог. Потому что узнал эти голые ступни родных ног. Очень часто, если я вечерами дома, она ложилась на диван, я садился в ногах и массировал эти ступни. Они у неё болели, уставая за день. Так мы смотрели телевизор или DVD.

Я упал на колени, схватился за её ноги, уткнулся в них лицом и завыл.

Финии.

Опять «котлета» (1941 г.)

Постоянно приходили особисты. Пытались меня допрашивать. Я их искренне и от души посылал по пешему аморальному маршруту, с садистским удовольствием чувствуя их беспомощность. Им нечем было на меня надавить – я уже не от мира сего, одной ногой в могиле. И пытаться меня бесполезно. Каждая минута жизни для меня и так была пыткой. Меня никто не пытался оперировать. Сразу вправили кое-как ногу, зашили руку, не пытаясь срастить сломанные кости, так и оставили, ожидая моей смерти. Хотя перевязки-пытки делали. Я чувствовал собственную вонь. Вонь гниющего заживо тела. О-хо-хо, беда!

Сколько это продолжалось, я не знал. Я был связан, глаза завязаны, часто и надолго терял сознание. Но приходить в себя совсем не хотелось. Обморок нёс хоть краткое, но избавление. От боли. Но приходили эти видения. Того мира, мира будущего. Мира без неё. Тяжело. Больно. Врагу не пожелаешь того, что испытал я.

Судьба Голума

(наше время)

Там или тут? Как назвать моё существование в двадцать первом веке? Не важно. Я заливался спиртным. До обморока. Там – боль и война, тут – боль и потеря Люб-

ви, Радости, Смысла жизни. Но, что необычно, переваливаясь из одного мира в другой, я сразу же забывал тот другой. Так, смутные отголоски, как от ночного кошмара после пробуждения.

Мной овладела такая тоска и апатия, что свет померк. Смутно помню похороны, поминки, какие-то допросы в ментуре, дознания, протоколы. Я их все читал, но...

Всё изменил один человек. Я сидел пьяный у дерева напротив дома. Идти в дом не хотелось – без неё он потерял значение «дома». Но и идти было некуда и незачем.

– Это у тебя жену убили и сожгли? – услышал я.

Я поднял голову.

– Ну?

– Я знаю вашу машину. Я был на пляже в тот день. И видел, как вслед за твоей поехала другая машина. Это было подозрительно. Потому я запомнил номер. Менты мне не верят. Эх, вижу, ты неменяемый. Ладно, засуну бумажку в карман. Может, добьёшься чего. Говорят, связи у тебя неплохие.

Только на следующий день, наткнувшись на писульку, я вспомнил этот разговор. Долго-долго пялился в бумажку, часа два. И мир мой менялся. В нем появился смысл. Точнее, цель.

Сначала я хотел обратиться к своим ментовским знакомым, но передумал. Какое-то смутное беспокойство было. Как предчувствие. Но я его неправильно понял. Стал ко-

пать. Сам. Не совсем же я дурень. И спешить мне некуда. Всё уже случилось. Что могло случиться, уже случилось.

Номер и описание машины соответствовали машине, принадлежавшей довольно известной в городе структуре. Это была бизнес-структура типа холдинг-групп, владел ею большой авторитет, в нашем городе, конечно. В прошлом бандит, настолько умный и хитрый, что выжил в девяностые, легализовался, стал бизнесменом. Я знал его дочь, тихую умницу, – учились на параллельных потоках в университете, знал его сына, охеревшего от вседозволенности отморозка. Не знал только, что он не завязал с криминалом.

Понятно стало, почему менты не стали крутить этот след. Муторно, хлопотно, а ничем не кончится. От такого человека ничего не добьёшься.

И я тоже решил быть аккуратней. Пить я притормозил, но дурака валять продолжал. Пусть думают, что я продолжаю пить. Недееспособный алконавт. Спроса меньше. И шляться можно везде. Слушать, смотреть.

Многое услышал, многое увидел. Мир мне открывался с другой стороны. С той стороны, которая была в тени, была не столько скрыта, сколько неинтересна, брезгливо оббегаема глазами. Мы живем с этим тeneвым миром рядом, но параллельно, в отвлечении не замечая его. Обходя эти «тени», как лужи грязи, в боязни заляпаться.

С работы меня уволили. Что меня устраивало. В план моей вендетты такая загруженность не вписывалась. Но

деньги-то нужны? Нужны. Очень. Но работа нужна особая. Чтоб свободного времени побольше. Помог кум. Устроил меня сторожем. И к кому! В гаражный комплекс того самого холдинга того самого авторитета. Менты в открытую дружат с бывшими (или не бывшими?) бандитами. Но не до морализаторства.

Работа – супер! Сутки через трое. Сутки сидишь в караулке, палец о палец не ударишь, три дня – делай что хочешь. А зарплату положили в два с половиной раза больше, чем у мастера путейцев. Зарплата, правда, в конверте, но мне-то до этого прохладно. До пенсии ещё дожить надо. Моей жене все эти пенсионные и страховые фонды уже глубоко параллельны. И мне – тоже.

Комплекс – шесть боксов под авто. Утром машины уходят, вечером водилы пригоняют машины, купаются в душе и расходятся по домам. Я всё закрываю, и можно ложиться спать. Весь комплекс обнесён бетонным забором, но вернее заборов охраняет имуществу авторитет хозяина комплекса.

С первой же зарплаты я дёшево купил поддержанный скутер, что резко повысило мою мобильность – в нашу машину я сесть больше не мог. Поставил её в гараж и запер.

Дело не в том. Моё расследование потихоньку продвигалось. За искомым авто были закреплены двое братков. Они были мелкими порученцами для несложных заданий. Подай-поднеси, уйди, не мешай. Для этого им и была вы-

делена машина. Но в данный момент их в городе не было. Куда-то запропастились. Совпадение или нет? Спецом отослали?

У каждого исполнителя должен быть начальник. И у этих двоих должен быть. А вот и нет! У всех людей в этом холдинге были старшие, даже у меня. Надо мной стоял суровый мужичок, что отвечал за всех сторожей на всех объектах, раскиданных по городу и области. А у этих двоих — не было. Потом оказалось, что и сами они не совсем свои. В структурах холдинга не состояли. Это были личные обязанности сына хозяина. Беспредельщика. Отморозка. И распоряжаться ими мог только он. Вот так вот. И выяснить цель их слежки за моей любимой можно только у него. У Отмороженного.

Запахло жареным. Это подгорала моя задница. Даже попытка разговора с этим пареньком выйдет мне боком. Стало ясно, что разговор, может, и состоится, но только один, только силой, и после него мне придётся резко потеряться. А так как мне не безразлична судьба дорогих мне людей, то и разговор должен быть инкогнито.

Согласен, версия так себе, но другой нитки, способной меня привести к убийцам, не было. Так что будем тянуть эту. В процессе размышлений выстроился план действий.

Потеряться надо не после разговора, а до. И больше не показываться. Так будет легче сохранить инкогнито.

Я продал машину, завел пластиковую карточку «Сбер-

банка», кинул на неё все деньги, что были. Приехал к теще. Пообедал с ними. Попросил сына проводить меня. Мы сели на лавочку под тремя берёзками.

— Ты уезжаешь?

Я вздохнул. Отвернулся.

— Да.

— Надолго?

— Да.

— Может, не надо?

— Надо.

— Обещай, что вернёшься!

— Всё будет нормально, обещаю. Вот карточка. Я на неё буду деньги высылать.

— А когда ты вернешься?

— Я не знаю, сынок. Как отболит.

— Так у меня тоже болит! — закричал он.

Я почувствовал, как глаза наполнились слезами, обнял его, буркнул:

— Прости!

Потом сел на скутер и уехал.

Домой мне было возвращаться не с руки.

Я уже выкинул симку сотового, купил краденый телефон с левой симкой.

Я сидел на заборчике, ограждающем территорию мага-

зина на центральной улице города, и высматривал ту, что подходила по моим выдуманнным критериям. Вечер уже подходил к восьми, похоже, сегодня тоже ничего не сложится.

А эта? Похожа на загнанную лошадь. Прёт тяжёлые пакеты. Не шибко ухоженная, типичная разведёнка-бухгалтер. Кольца нет. Взгляд разведёнки. Давно и безнадежно одинокой. Ну, попробуем?

– Вам помочь? – спросил я, подходя к ней и подхватывая пакеты в её руках.

Она испугалась. Верно я угадал. Ничего хорошего от мужиков она не ждёт.

– Не бойтесь, я лишь хочу помочь. Мне нечего делать, скучно, а вам тяжело. Я вам помогу, вы скажете мне «спасибо», я буду горд собой, и день пройдёт не зря.

Она отпустила сумки, но глаза так и остались глазами испуганной коровы.

– Вам куда?

Она проблеяла название улицы, я пошёл, она посеменила вслед.

Я шёл и что-то трепал языком. Не помню, что. Да и она, скорее всего, не вспомнит. Не важно. Что-то о том, что надо помогать людям, потому что всё в мире взаимосвязано. Надо делать добро. И другую подобную благостную пургу. И дальше – то же ля-ля.

А когда дошли, я внаглую спросил:

– Чаем напоите? Пить хочется.

Она впала в ступор. Я взял её за подбородок, слегка нажал, опуская голову:

– Это делается так: «Да, конечно, у меня есть и чай, и кофе, и кое-что покрепче».

Неожиданно её отпустило. Она ухмыльнулась, в глазах мелькнули, видимо, уже забытые, блядские искорки:

– А то так пить хочется, что переночевать негде?

– Ну, вот! Приятно иметь дело с умной женщиной.

– Ладно, пойдём.

Типичная двухкомнатная хрущёвка. Комната подростка-дочери (лет пятнадцати), гостиная, она же, видимо, её комната, кухня малюсенькая, совмещённый санузел. Обстановка старомодная, бедненько, но чисто, аккуратно.

Дочка в немом удивлении смотрела на меня.

– Привет, я Гоша.

– Он же Гога?

– Почти. А ты?

– Не важно.

– Ладно, Неважно, показывай, где пакеты ставить.

Потом хозяйка готовила ужин, я развлекал её. Мне непонятна эта тяга женщин, чтобы кто-то смотрел на их процесс стряпни. Я же не люблю, когда кто-то смотрит. Но сидел, благостное ля-ля разговаривал. Неважно сидела у себя, как мышь. Она и была как серая мышка. Какая-то вся никакая, усредненно-незаметная. Угловатая, высокая, ещё бесформенная, русые волосы в обычном хвосте, светлые

брови и ресницы, будто их и нет.

Да и мама такая же, только крупнее по-женски, мясистее.

Готовила она, кстати, так себе. Хотя сойдёт. Поужинали почти в молчании. Потом Неважно ушла, мы пили растворимый кофе.

– Уйдёшь? – спросила, наконец решившись, она.

Я пожал плечами:

– Прогонишь – уйду.

М-да, если бы заставил попросить остаться – не попросила бы. Но и выгнать не может.

Принесла полотенце. Пока я принимал душ, постелила постель.

Я старался произвести впечатление. Можно было не стараться – там давно и никто не оставлял впечатлений, но я старался. Поэтому утром, когда мы пили кофе, она спросила:

– А ты придёшь ещё?

– Да.

– Когда?

Я пожал плечами.

Проводил её до работы, я угадал – контора. И когда я сказал:

– До свидания!

Она ответила:

– Я буду ждать.

Перевалочная база заложена.

Раньше мне казалось, что сутки через трое – уйма времени, но оказалось, опять времени не хватает. Выспаться не могу. Надо было хоть где-то спать нормально. Просто спать. Поэтому я на объекте, который охранял, сделал вот что. Купил несколько китайских веб-камер, два датчика движения, привёз с гаража свой древний комп, на нём ещё стоял самый первый «Celeron», и пузатый монитор. Камеры были развешены, датчики установлены, провода протянуты, комп отформатирован, и софт нужный установлен. Нет, всё, конечно, не так просто и не так быстро, но кого волнуют проблемы блох и солдат? Не рассказывать же об этом. Это скучно. А вот заработавшая система видеонаблюдения, при включении датчиков движения ещё и пищавшая на подъехавших к воротам и шлепавшихся в периметре, заинтересовала моего начальника.

Он сурово смотрел в выпуклый монитор, где транслировалось изображение с четырех камер.

– Сам?

Я хмыкнул:

– Не, спецов вызывал.

– Я тебе что, клоун дешёвый? Конь педальный! – почему-то взбеленился он.

– Извини, не хотел обидеть. Я тебя уважаю, ты конкретный пацан.

– Я тебе не пацан. Где научился всё это делать? – его палец уткнулся в экран.

– Да нигде! Вот тут и научился. Помогает скоротать время.

Старшой нахмурился и свалил. А в следующее моё дежурство припылил с каким-то типчиком полусладкой наружности и секретуткой смазливо-длинноногой. Оказалось, полусладкий – менеджер, деваха – кассир. Я подписал договор с ООО «Табурет-три-ножки» и холдингом на установку системы видеомониторинга на объекте «Гараж номер двцать». И сумма в графе «стоимость работ» такая, что глаза на лоб. На руки, правда, только треть, но всё одно до... по пояс, в общем.

– Сколько времени тебе нужно для установки такого же на другом объекте? – спросил старшой. Я пожал плечами.

Одним словом, тут же подписали ещё договор, получил на руки аванс, и меня перевели на другой объект – «Гараж номер ндцать».

Бабла-то, бабла! Я был в шоке. Всю жизнь работал, как пахарь, на все внеурочные и выходные соглашался ради лишней пятихатки, а тут сразу и столько! А хорошо жить у бандитов. Легализовавшихся.

Хотел выспаться, а впрягся ещё в одно ярмо. Денежное, но ярмо.

Деньги на карточку сына сбросил. Я знаю, теща их сразу снимает, не верит она в электронные деньги. Только в те,

что можно пощупать. Оно и к лучшему.

Я освоил ещё одну специальность. Нет, не установщик видеосистем. Угонщик. Скутеров. И мотоциклов. Я их угонял, катался за отморозком, потом бросал скутер. Теперь я довольно чётко себе представлял режим жизни Отморозка. Беда была в том, что Отморозок нигде и никогда не оставался один. Нигде и никогда. Как подобраться к нему? Через его сопровождающих? Ствола у меня нет. И не достать его. Да и убивать их я не хочу. Даже Отморозка. Мне только и надо, чтоб он ответил – зачем его шакалы мою жену пасли.

А на перевалочной базе, где я теперь жил, когда надо было где-то переночевать, начались проблемы. Откуда не ждал. Проблемы и у Хозяйки. И проблемы с Неважно. Я ей тут купил дешёвенький китайский (корейский, по названию) смартфон. Цыгане их что-то очень дёшево продают.

– Зачем? – спросила она. Странная она. Надо бы радоваться. Она нахмурилась. Подвоха ждёт?

– Задобрить хотел. Чтоб не смотрела на меня как на вошь.

Я теперь тут был полноправным жильцом. У меня был ключ от входной двери, я помогал в уборке по дому и «вносил квартплату». Так я это называл. Помогал, в общем, немного. К чему я это? А, в общем, я уже был «дома», когда пришла Хозяйка. Она задержалась и пришла заплаканная. Она,

конечно, пыталась это скрыть. Но тщетно — и я, и дочь увидели.

— Что случилось? — спросил я.

— Опять он? — спросила Неважно одновременно со мной.

А вот это интересно! Я уставился на подростка, но она, поняв, что сболтнула лишнего, убежала в свою мышиную норку, куда вход мне заказан.

Вечер был испорчен. Неважно носа не показывала, Хозяйка тупила. Слова не вытянешь. Дождавшись, когда она пошла в душ, я вломился в ванную, вырвав шпингалет (там шпингалет-то!).

— Что ты делаешь? Уйди! Пошёл вон!

Не обращая внимания на её истерику, я её крутил и так, и сяк, рассматривая. Синяки на руках, шее, груди, бёдрах.

— Кто это сделал? — спросил я.

Она меня не слышала. Билась в истерике.

— Кто это сделал? — заорал я ей в лицо. Но даже крик не пробился до неё.

Я отпустил её, повернулся. В дверях стояла с воинственным видом, между прочим — с молотком в руках, и огромными глазами (голубые, оказывается) Неважно. Я отобрал у неё молоток:

— Поранишься.

Сжал за плечи, приподнял, переставил, прошёл, отпустил.

— Успокой мать.

И ушёл. Не люблю истерик. Особенно у женщин, которые тебе безразличны.

Я сидел у подъезда на вкопанной покрывке, курил. Подошла Неважно, села на соседнюю покрывку:

— Дай закурить!

— Перетопчешься.

Я докурив сигарету, раздавил бычок о покрывку, закурив ещё одну.

— А у тебя нет семьи?

— Не идёт!

— А зачем ты спросил, зачем тебе знать — кто это сделал? — наконец спросила она.

— Надо. Кто он? Ты ведь знаешь. Говори!

— Зачем тебе?

— Я любопытный. Ну?!

— Начальник отдела физлиц, — выдохнула она, закрыв лицо руками, а руки на колени, вся сжалась, будто бить её буду. Что за реакция шизанутая?

Она была в том же халате. А телефон-то она успела из коробки вынуть. Вот он, в кармане лежит. Современные телефоны такие большие, широкие. Не как «Нокии» первые, но всё же. Я достал смартфон, запустил интернет, поисковик, нашёл её организацию, структуру, персонализацию. Узнал фамилию. Поиск по фамилии вывел меня на одну из соцсетей. Вот и фото.

Неважно уже с интересом следила за моими манипуля-

циями.

– Он?

– Он, с...

– Ну-ну, некрасиво так на уважаемого человека, примерного семьянина.

– Да он!..

– Читай сама. Вишь, как красиво расписано. Ладно. Пора мне. Иди в дом, простынешь ещё.

Я ждал его. У его машины. Японец С класса. Ничё так. А стоянка эта, кстати, не оборудована видеонаблюдением. Но я всё равно ишем не стал снимать. А рядом с его машиной удачно стоял «уазик».

Я проколол все четыре колеса, сигнализация не сработала. Пришлось монтировкой высадить лобовое стекло. Вот тогда она и взвыла. Я отошёл за УАЗ.

Летит, летит, причитает. Встретил его подсечкой, свалил и стал бить. Больно, методично. По мягким тканям, по суставам, по почкам-печенкам, не трогая лицо.

– За что? – разобрал я среди его криков.

Я наклонился к нему и прямо сквозь затемнённое стекло илема спросил:

– Приятно?

– Нет, не надо!

– А женщин бить и насиловать приятно?

– Нет, вы ошиблись, я никого не насиловал!

Я отходил его ногами.

– Вспомнил?

– Она сама! – завизжал он. – Сама! Ей так нравится!

Тут я засомневался – а мы вообще об одной и той же думаем?

– Кому нравится? Как её имя?

Он назвал. Нет, та самая. Теперь я бил этого борова с максимальной жестокостью, на которую был способен. Пока не вырубил. Потом сел на скутер и уехал. Скутер бросил, джинсовку и джинсы снял и положил в пакет, пошёл в шортах и майке к своему скутеру. Пакет выбросил в мусорный бак через пару кварталов.

И уехал на речку искупаться и успокоиться – после драки у меня всегда руки трясутся.

Пока обсыхал на берегу, думал – вот надо оно мне было? Ещё и прихватят за нанесение вреда здоровью. Но уж больно он меня взбесил. Такой весь правильный, хороший, а бабу регулярно насилует. Ладно бы просто склонил к сожительству, но ему же надо, чтобы она сопротивлялась. Ему так больше нравится? Крутым себя ощущает? А с другой стороны, он что-то там блял, что она сама. Может, и правда. Их, баб-то, не поймёшь. Они всякими бывают. А, пох, уже свершилось.

Поехал на «работу». Жара спала, можно и по заборам с камерами полазить.

Когда я пришёл к ним в следующий раз, они опять смот-

рели на меня глазами испуганных коров.

— В командировку ездил, — сообщил я, ставя на стол пакет с продуктами, — как вы тут?

Они переглянулись. За ужином раздавили бутылочку коньяку, малой тоже налили. Выпив, Хозяйка осмелела, задавала прямой вопрос — я ли отправил в больницу её обидчика. Я, улыбнувшись, ответил, что не понимаю, о чём речь. Мать очень строго зыркнула на дочь, та юркнула в норку и больше не показалась.

По утрам она уходила, меня не будила. Так должно было быть и в этот раз. Но сквозь сон я почувствовал нежные руки на своём теле, губы. Не просыпаясь, сгрёб женское тело под себя. Однако даже сквозь сонливость, наткнувшись на преграду, я почувствовал, что тела этого мало. Должно быть мягче, мясистее. Отпрянул, открыл глаза.

— Давай же, что тебе стоит?! — взвизгнула Неважно.

Я сел на краю дивана, спиной к ней, накрыл её одеялом с головой. Она ревела, причитала. Потом кричала на меня, затем опять плакала, причитая, что она некрасивая настолько, что даже я побрезговал. А подружки её и так считают её бракованной.

Я повернулся, сдёрнул одеяло. В этот раз она прикрывалась, закрыв девичьи груди ладошками.

— Девственность — сокровище. Его беречь надо. И пода-

рить её тому, кто достоин, кто оценит. Тому самому, единственному и неповторимому.

— Нет таких.

— Есть. И твой где-то ходит, ждёт. И если ты пойдёшь на поводу своих падиших подруг, то когда он встретит тебя, он пройдёт мимо. Зачем ему падишая?

— Это сказки для маленьких девочек. Жизнь — дерьмо.

— Дерьмовые люди, чтобы не чувствовать своей вони, стараются вымазать в дерьме всё, что ещё не вымазано. Когда все воняют — никто не воняет.

— Всё ты врёшь! Ты просто побрезговал. Неужели тебе не хочется целки?

— Нет, не побрезговал. Без одежды ты симпатичнее. Но не для меня. А целка... Уже было. Я тебе не сказку рассказывал, а реальную историю. Мою и моей жены.

— А что ж ты тогда тут делаешь? — ехидно спросила она.

— Мою жену убили. Я мишу. Большие ни о чём не спрашивай.

— Убили? Прости, я не знала.

— Понимаю.

— А моя мать?

— Тебе честно или соврать? Правда ранит.

— Значит, с матерью — это на время?

— Да.

— А она — всерьёз.

— Мне жаль.

Я встал, не одеваясь, сходил на кухню, поставил на огонь чайник. Когда я вернулся, она лежала на боку, свернувшись калачиком, смотрела в спинку дивана. Услышав мои шаги, она посмотрела на меня, вернее, на мою готовность к «бою».

— Ты хочешь меня, — констатировала она. — Значит, я не страшная?

— Ты симпатичная.

— Между нами что-то могло бы быть?

— Могло, но не будет.

— А если я не буду целкой?

— Не будет. Тебе ещё жизнь строить, а я уже пропащий. Не стоит.

— А я хочу.

— Перехочешь.

Чайник закипел, засвистел.

— Кофе будешь? — спросил я, натягивая штаны.

— Буду.

Она пришла на кухню в чём мать родила. Вот ведь оторва! Измором меня решила взять?

— Решила не мытьём, так катаньем? — спросил я её.

Она улыбнулась:

— А вдруг?

— Если ты продолжишь в подобном ключе, ты меня больше не увидишь.

Она уставилась на меня. О чём она там думала, я не знаю, но спросила:

– Мне одеться?

– Сиди уж. Мне приятно, в конце концов. Но о нас даже не думай. Пей, остынет.

Молча пили кофе.

– Гош, я правда не страшная?

– Правда.

– А почему?.. – она замолчала, слова застряли в её горле, а слёзы выступили из глаз.

– Вопрос поставлен не так, потому и не можешь найти ответа. Вопрос – кто? И зачем им это нужно.

Она задумалась.

– Может, тебя гнобят не потому, что ты хуже, а потому что они – полный отстой? – убеждал я. – А если они отстой, стоит ли плакать? Тебе не всё равно, что о тебе подумает свинья? Или ты думала, что став шалавой, избежишь унижений? Нет, всё только усилится. Они не будут с тобой дружить. На дружбу способны только люди, способные осознать правду. А б... никогда правды не видят, никогда её не признают. Они живут в иллюзиях. Жизнь вне лжи их разрушает.

– Я ничего не поняла.

– Представь подругу, что больше всего тебя гнобит. Вот если все кругом начнут к ней относиться так, как оно должно. У неё много парней?

– Да.

– Она – б... И, представь: все начнут ей это в глаза гово-

ритель. Она будет убеждать: она со всеми и с каждым только по любви. А все смеяться: это же смешно. По любви? К чему? К палкам? Если она окажется в подобной среде, где она всего лишь то, что она есть – половая тряпка, то она умрёт.

– Мне кажется, ты не прав.

Я пожал плечами.

– Девочка, тебе сколько лет? А мне? Я чуток больше тебя видел, чуток лучше разбираюсь в жизни и людях. Потому в моей жизни была настоящая любовь. Чего и тебе желаю.

– А какая она, настоящая?

– Это не объяснить. Это надо осознать, почувствовать. Любые мои слова ничего тебе не скажут. Это то же, что слепому с рождения описать радугу.

– Как я узнаю, что это она?

– Не переживай, поймёшь.

– А если я полюбила, а он – нет?

– Тут или ты ошиблась, или время не пришло.

– В чём ошиблась?

– Что любишь.

– Я не ошиблась. Я люблю тебя.

Она смотрела мне прямо в глаза, упрямо и по-детски – непосредственно. М-да, убойное сочетание – голая девочка признаётся в любви. Мне.

– Нет. Ты не любишь меня. Это не любовь. Любопытство, желание – плотское, уважение, может быть. Даже

дочерние чувства вот так выразились, но не любовь.

– Не решай за меня! Я люблю тебя, я хочу, чтобы ты стал первым! – она вскочила, встала передо мной, вся такая голая, тонкая, юная, страстная. Глаза горят, губы пылают, соски окаменели бордовым, трогательный девичий пупок, пушок на лобке, юношеская припухлость в бёдрах. Вся такая нежная, упругая, сладкая. А, проклятие! У меня аж скулы свело судорогой. Ага, скулы, хе-хе.

Я встал, взял её за подбородок, долго смотрел в её пылающие глаза, поцеловал в губы. По-взрослому, по-настоящему. Со стоном оторвался, метеором собрал свои вещи и сбежал.

Опять «котлета» (1941 г.)

А потом всё изменил голос:

– Старшина Кузьмин?

Я не ответил. Я перестал разговаривать, потому что моими собеседниками могли быть только особысты, а они меня даже пытаться принимались, суки!

– Я привёз вам привет от Тимофея Парфирыча.

Я чуть не закричал от радости. Наконец-то! Дошли! Но тут же подленький здравый смысл (или паранойя) осадил меня.

– И?

– Восток доехал.

Это ничего не значит. Хотя многое может значить. Первое – всё идёт по плану и всё хорошо. Второе – провал. Кто-то перехватил Кадета с группой и расколол их по самые помидоры.

– И?

– Парфирыч ознакомился с посылкой и улетел. Он приказал вызволить вас. Врач говорит, вы при смерти и не перенесёте дороги.

– Нах! Куда угодно, только не гнить здесь! Надо – вынесу! И подохну – всё лучше, чем так, опарышем съедаемым.

– Как же вас довезти?

– А ты кто?

– Старший уполномоченный по особо важным делам Лауза Михаил Ильич.

– Михаил Ильич, мои вещи надо забрать с собой. Там в нагрудном кармане трофейные сильнодейств. . . не выговорю. Таблетки там. Голубоватые. Если буду пить по одной каждые шесть часов – доведёшь.

Ага, нариком конченным стану, но доведёшь.

Следак метнулся, мне к губам были приставлена таблетка, потом металлическая кружка с ледяной водой. Во-о-от! Так-то лучше!

– Поехали, старшой. Видимо, долг мой не уплачен. Зачем-то понадобился кусок котлеты под званием старшины Кузьмина. Слушай, старшой, я сам не вижу – мне ничего не отрезали лишнего?

– Я не врач, но руки-ноги имеются.

– И то хлеб.

Рассказать про дорогу нечего. И не стоит. Что рассказывать живому мертвецу, по недоразумению задержавшемуся в этом мире? Ныть, что это было больно и тяжело? Это и так понятно. В общем, это было невыносимо.

Сколько времени прошло в тряске, боли, в обмороках я не знаю, но очнувшись в очередной раз, я услышал деловой голос, до боли знакомый.

– Натан! – захрипел я.

– А, узнал, старый ты кусок медвежатины! Я вот уже го-

ворил Степановым, похоже, что вытаскать тебя с того света превращается у меня в привычку, – сказал Натан и тут же заржал.

– Получится?

– Куда ты теперь денешься! Ты в очередной раз умудрился поставить всех на уши. Все требуют твою душу и срочно. Заметь, не мясо, а душу. Нужен ты опять нашим большим и сурьёзным мальчикам. Опять игра затеялась. И как ты умудряешься быть в центре всего этого?

– Тяжело и больно.

– Я заметил. Да, а что это за таблетки с тобой в комплекте пришли?

– Там наркотики. Опиаты годны как обезболивающие, есть стимуляторы, есть галлюциногены. Вот последним применения не нашёл.

– М-да. Опять... Не ори! Я тебя к операции готовлю. Опять ты меня удивил. Где препараты-то такие раздобыл?

– Трофеи, Натан, трофеи. Американские.

– Так, Витя! Ты меня в дела ваши тайные не тащи! Мне нельзя, как агенту сионизма.

– Натан, не смей, больно смеяться. Сам же спросил. Наркоз чем планируешь делать?

– Какой наркоз? Давно уже ничего нет. Только если твоими. Не ори! Лучше расскажи, что знаешь об этих опиатах. Говори, говори, мне надо, чтобы ты говорил.

Я рассказывал, что знал. Дозировки, способы приме-

ния, изменение воздействия от способа внесения в организм. И вот во время этого повествования речь моя замедлилась, мысли стали тягучими, как кисель. И вот я не смог раскрыть рта – губы перестали слушаться, слово оборвалось на середине.

– Витя? Витя? Ты меня слышишь? Пальцами можешь пошевелить? Понятно. Ну, что же, коллеги, приступим!

Я хотел заорать: «Натан, ты охренел! Я же всё слышу, я всё чувствую!», – но не смог. Я чувствовал, как отрываются бинты, как скальпель бежит по коже, как кровь, сбегая вниз, щекочет. Как тампоном её собирают, как мне составляли, с хрустом и скрежетом, обломки костей. Я это всё чувствовал, но не чувствовал боли. Тошнило только. Блин! Хорошо-то как! Пусть ковыряются. Главное – болеть перестало. Хоть на время, но перестало. А потом тьма добралась до моего сознания.

Судьба Голума

(наше время)

План по разговору с Отморозком вытанцовывался в моей голове. Я купил электрошокер. Нужны препараты определённого воздействия на организм. Вот только беда в том, что они числятся сильнодействующими наркотическими веществами, вызывающими мгновенное привыкание.

– Вот это список! – удивился кум. – Решил с синьки на колёса перескочить?

– Не, это не для меня.

А к кому ещё обратиться? У нас в городе подобным торгуют только те, кому наркоконтроль разрешил. Так зачем мне посредники?

– Довольно необычный подбор, – продолжал удивляться кум, – половина этого у моего дядьки была в красной аптечке на Кавказе. Ты на войну собрался?

– Да какой из меня вояка! Ты же знаешь, плоскостопие, близорукость, общая заторможенность.

– Вот только не надо про заторможенность. Я на чемпионате России в финале выступал, но такой скорости даже у своего соперника не видел. Как ты это делаешь?

Я пожал плечами. Тот бой в финале кум проиграл. Приехал с чемпионата к нам с отбитой головой, с коньяком. Мы выпили, его накрыло медным тазом. И я был пьян. В общем, пошли мы на улицу. За приключениями. А кто ищет, тот всегда найдёт. Махались мы вдвоём на восемь человек. Были биты, но остались на ногах. Драться я умел неплохо. На соревнованиях не выступал, оценить уровень было невозможно, но один на шестерых выстаивал – оставался на ногах. Был сильно побит, но вырубить себя не давал. И кума бил в спаррингах. Всерьёз мы не махались.

– Ну, так что по этим? – я постучал ногтём по списку.

– Возможно, в принципе. Тяжело, но возможно.

– Когда?

– Экий ты приткий! Ты мне ещё не рассказал, как ты

так делаешь в драке, что как угорелый скакать начинаешь.

– Да что я тебе расскажу?! Случайно это открылось. Время как замедляется. Потом прочёл – это состояние изменённого сознания. Организм поднимает обороты всех жизненных процессов настолько, что появляется подобный эффект. А вот как это сделать тебе, не знаю. Я даже не знаю, как у меня так получается. Может, выброс адреналина так действует?

– Вот ты жук, куманёк! Всё что-то мутишь, мутишь. И никак тебя не прихватишь.

– А хотелось? – рассмеялся я.

– Ха, ещё б! За такими, как ты, правильными и мутными, как раз награды и погоны стоят. Вы же...

Он сплюнул. Что это он?

– Чё это с тобой?

– Представляешь, попадает мужик в больницу. Кто-то отходил его знатно. Кто – не можем установить. И пока я метался, искал этого байкера, мой ушлый сослуживец копнул этого избитого. А он – насильник! Установили уже две жертвы, есть заявления. И я с носом, а он – в шоколаде!

– А на меня чего собак спустил?

– Так он такой же умный и правильный, хрен подумаешь.

– Ну, так в чём дело? Копни и меня. Может, тоже звёздочку получишь? По-родственному так – меня в тюрьму, тебе погоны.

– Да пошёл ты! Обиделся я на тебя.

– На обиженных воду возят. Так что по химии?

– Я позвоню. Пора мне, пока!

– Пока!

Уходя, я ещё подумал, что хорошо, что пешиком пришёл. У них, оперов, мозги по-особенному устроены. Сложилось бы у него в котелке, что я байкер, и скрутил бы меня. И всё псу под хвост. На кой ляд я вообще связался с той бабой и её озабоченной дочкой?

Только подумал о ней, слышу:

– Дядя Гоша!

Это что ж у меня за племянница образовалась? Ха, Неважно, собственной персоной. Да, маленький у нас город, очень маленький.

– А я вас искала, – потупившись и покраснев, сказала она. Бежала, запыхалась.

Я оглянулся. Главное, чтобы кум не видел.

– Зачем?

Она опять выпучила глаза. Видно, что заготовленная речь вылетела из головы. Не знает, что сказать.

– Ладно, пойдём в кафешку, что ли. А то стоим, как два тополя на Плющихе.

Пока ждали кофе и мороженое, разглядывал её.

– А ты похорошела.

– Спасибо. Вы знаете, я сначала очень обиделась на вас...

– А что это за «вас»? Давай на «ты». Слух режет.

– Давайте, ой, то есть давай, – она опять замолчала,

мляла в руках телефон, то открывая, то закрывая чехол.

Принесли кофе и мороженое.

– Съешь мороженку. Как мать?

– Плохо. Плачет. В общем, – она вздохнула, будто собираясь прыгнуть в воду, – я сначала обижалась, а теперь нет. Я много думала о том, что случилось, что вы, ой, ты говорил.

– Уже хорошо. Думать полезно. Больно, но полезно, – буркнул я, отхлебнув кофе. Хм, а неплохой кофе. Надо к ним ещё зайти.

– Не сбивайте меня, я и сама собоюсь. Ну, вот, опять забыла.

– Не опять, а снова. А может, ну их, эти разговоры? Поговорили и поговорили. Главное, чтоб толк был. Расскажи лучшие, как сама?

– Нормально. Я сильно изменилась. Не думала, что можно так быстро измениться.

– Это у ребят долго. А у вас – за одну ночь.

Она рассмеялась:

– Я же не о том.

– Так и я не о том. Вижу уже, что тебе на пользу. Лучшие выглядишь, за волосами ухаживаешь, красишься, платице красивое, тебе идёт, подчёркивает всё, что нужно.

Она опять смутилась.

– Из ребёнка ты превратилась в юную и довольно симпатичную девушку, – продолжил я. – Это хорошо. Чем мир

красивее, тем лучше.

— Вот, вы опять меня сбили. А я извиниться хотела. Простите меня. Я действовала глупо.

— В следующий раз будешь действовать умнее?

Она прыснула, жеманно склонившись к столу, искосаглянула на меня:

— Следующий раз?

— Девочка, думаешь, ты первая женищина на моём веку? У меня женой была Женищина — с большой буквы. Я насмотрелся в ней вас всех.

Она стала серьёзна, ещё немного погода — задумчива.

— А в вас я увидела настоящего мужчину.

— Опять ты ошиблась, девочка моя. Во мне ты можешь увидеть только деда. Твой настоящий мужчина ещё где-то бродит. Тебя ищет. Его и познаешь, когда он станет твоим мужем.

— Я так хочу этому верить, но так боюсь, что это только сказка! О принце на белом коне.

— И будет тебе конь. Мысль материальна. Не жди принца, жди друга, парня, защитника, мужа. Именно в такой последовательности. Сначала друг, только потом — любовь.

Кофе был выпит, мороженое съедено под лёгкий непринуждённый треп.

— С вами хорошо, легко и приятно, — сказала она.

— С нами? — я специально оглянулся по сторонам. — С кем?

Она опять хихикнула:

– Извини, я опять забыла. С тобой, с тобой.

– Пойдём?

– Подожди, – попросила она.

Я сел обратно.

– А ты к нам с мамой вернёшься?

– Зачем?

– Она плачет.

– Ты же знаешь, что я ничего к твоей матери не испытываю. Рано или поздно я уйду. Она всё одно будет плакать. Зачем преумножать печали?

– Но с тобой она была счастлива. Даже когда отец жил с нами, я её не видела такой счастливой. Я же, сучка, позавидовала ей и всё разрушила. Вернись, пожалуйста. Хоть на время.

– Посмотрим, – ответил я. Некоторое время сидел, думал. Она ждала. – Посмотрим.

Распрощавшись – она мило чмокнула меня в небритую щёку, расстались.

Вечером, с цветами и шампанским, я открыл дверь их квартиры своими ключами, сразу же был задушен в объятиях двух пар женских рук и залит двумя парами ручьёв слёз. Хорошо хоть, спать не пришлось с обеими.

А ночью, глядя в потолок и слушая дыхание двух женщин (какая может быть звукоизоляция в хрущёвке?), я думал – так ли хороша была идея с перевалочной базой? Мы ответственные за тех, кого приручили. Я, похоже, перестарался

с желанием произвести впечатление. Баба запала на меня. А малая (хвалёная звукоизоляция хрущёвок) слушала, подглядывала, подтекала. И вместо перевалочной базы получил ещё двоих людей, которым не безразлична моя судьба. Ещё две верёвки, связывающие меня. И скрыться не получилось – слишком уж мал наш город. На одном конце чихнёшь – с другого конца «будь здоров!» кричат. Но сделано, исправить не получится, остаётся расхлёбывать последствия.

Опять «котлета» (1941 г.)

Не успел я оклематься от одной операции – следующая. А потом ещё одна. И ещё. Натан даже восстановил мне лицо и пересадил кожу с правой ягодицы на грудь. Вот это ни хрена себе! В узловой больнице хирург, способный пересаживать кожу!

К новому, сорок второму году, встреча которого была совсем не праздничной, я смог вставать, ходить по палате. Перво-наперво подошёл к зеркалу, поглядеть на своё новое лицо. Хорош! Вся морда в лиловых шрамах. Ну, хотя бы не перекосило, спасибо золотым рукам Натана. На левом ухе не было мочки. И хрен с ней. Не оглох – и это главное. А в дивизионном медсанбате врач меня похоронил. А я – вот он! Добьюсь ещё восстановления в армии!

Одно мне не давало покоя – левая рука. То, что болела, это понятно. Но она не полностью восстановилась. Я не мог её согнуть в локте. С помощью правой руки – пожалуйста, безболезненно, то есть локтевой сустав был в порядке. Дело в мышцах, связках или нервах. Ощупывая левое предплечье, сделал три открытия: ниже локтя левая рука потеряла чувствительность, нервные волокна всё-таки перебиты; второе – я не нашёл мышцы-сгибателя руки, бицепса; и третье – левая кисть, под бинтами, стала короче. На перевязке увидел, что пальцы на этой руке выровнены по длине мизинца. Ока-

залось, осколок мне их подравнял.

Своими соображениями по поводу оторвавшегося бицепса поделился с Натаном. Он долго щупал, хмурил лоб.

– Хрен его знает, Витя. Готовься к операции. Клизма, ну, как обычно. Раскрою, там разберёмся.

Разобрался. Что он мне там сделал, я так и не понял, тем более что мне было параллельно, главное, я начал чувствовать бицепс, как он, повинуюсь моим мысленным приказам, пытался сжиматься, тянуть руку на себя. Ясно, что всё это было больно, а Натан категорически запретил нагружать руку. Мне переделали гипс – он теперь фиксировал руку в согнутом состоянии, закрывая её, как панцирем, от кисти до плеча.

Я оживал. С каждым днём бинтов и швов на мне становилось меньше, я чувствовал себя лучше, есть немудреную больничную пайку стал с аппетитом. Я уже хромал не только по палате, но и по коридорам. Обещали скоро снять гипс с ноги.

И вот тут пожаловали гости. Из органов. Представились. А я им честно сказал, что знать их не знаю и разговаривать с ними не собираюсь ни о чём, кроме погоды.

– Вы понимаете, что сотрудничать с нами придётся?

– Не обязательно. Угрожать будете?

– Не хотелось бы. Желательно, чтобы вы сами пошли нам навстречу.

– С чего вдруг-то? Нет у меня таких побуждений.

– Мы можем и надавить, – сказал, потеряв терпение, второй.

– Каким образом? Нет, ребята, ничего у вас не выйдет. И имущества я не нажил, алчностью не страдаю, грешков за мной нет. Близких у меня тоже нет – они делают нас уязвимыми.

– А как же ваши друзья?

– Друзья? У меня есть соратники, товарищи, что шли со мною к цели. Они поймут меня. Отсюда вам меня тоже не взять. До свидания, ребятки. Устал я. Зачем только вам понадобился? А-а, по барабану! Отстаньте.

Они ушли. Но как настоящие карлсоны, обещали вернуться. Следом пришёл встревоженный Натан. Ничего не спрашивал, просто сел напротив.

– Что, Аароныч?

– Зачем приходили, Иваныч?

– Нужен им я. Зачем, не знаю. Не уверен, что они сами знают. Поживём, увидим.

– Эх, не вовремя Степановы разъехались.

– Степановы? Ладно, с Парфирычем понятно, а Сашка?

– Лечил я его.

И Натан поведал о судьбе моего ротного после расставания на полустанке. Отступая, Степанов собирал вокруг себя всех, до кого смогли дотянуться его загребущие ручонки. И хотя командовал он не покидая бронетранспортёра – нога, собрал внушительное количество людей. Главное, он

смог из растерянных, деморализованных людей и разрозненных подразделений сколотить единую боеспособную единицу и начал оказывать сопротивление врагу. Присоединил к себе несколько отступающих в беспорядке расчётов с орудиями самых разных систем. Благодаря спасённым тылам нашего батальона и подобранным бесхозным машинам и тракторам (даже отремонтировали два брошенных танка), наладил снабжение продовольствием и боепитанием. Действовать стал по тактике Ё-комбата, творчески переведя её на другой уровень. Закреплялся на каком-либо удобном рубеже, давал бой подошедшему противнику и тут же отходил на следующий рубеж, который для него готовила нестроевая часть его воинства, куда входили тыловики всех мастей и присоединившиеся гражданские лица.

Тактика оказалась очень удачной, скоро и в наших и во вражеских штабах появился термин «группа Степанова», а негласно – «дикая бригада». Александр Тимофеевич Степанов срочно получил звание майора (негоже капитану командовать отрядом, по численности превышающим полк, а по ширине отведённого фронта – дивизию) и представление на Героя Советского Союза.

Так отступали до Ельца, город не удержали, понесли большие потери, но потом подошла свежая родная стрелковая дивизия, сформированная из земляков под командованием уже знакомого генерала Синицына. Дивизия крепко встала, удержала врага на месте, даже пытались вернуть Елец, но

не преуспели. В этом контрастном Степанов был ранен ещё раз и попал в госпиталь, потом к Натану.

– Там рана была не сильная, быстро зажило – пуля по мягким тканям прошла. Гораздо серьёзнее было с ногой. Лечение он забросил, там всё серьёзно было. Хромать долго будет. Может быть, и всегда.

– А сейчас он где?

– На курсы поехал учиться. При Академии Генштаба. Он же теперь перспективный старший командир. Представленный к Звезде Героя. В майорах долго не засидится. Если голову свою отчаянную не сложит. Эх, сколько же раз я его шил! То колено рассечёт, то бровь, то ножом порежут. В каждую дырку норовит голову засунуть.

А я был рад за Санька. Он заслуженно поднимался вверх. Вон, оказывается, как умеет командовать. Охренеть, если честно. Мой ротный через месяц фактически командовал бригадой. Настоящий полковник!

Стали вспоминать общих знакомых. Я спросил про Катерину. Натан помрачнел:

– Нет больше их. Ночью. Одной бомбой. Всех. Вместе с детишками. Ты же помнишь, дом её близко к станции был.

Больше разговаривать не хотелось. Натан попрощался и ушёл. Я провалялся несколько дней в чёрной тоске. Сколько же народу поубивало! А сколько ещё погибнет?! Не солдат, а вот таких баб и детишек, как Катерина с семьёй, как жители той деревни, непонятно за какие грехи сожжённые в коров-

нике. Всё это ещё перекликалось с мрачными снами Голума, боль потерь терзала душу.

Потом пошли посетители. А я, оказывается, популярен! И девочки-комсомолки приходили, и даже с отчётом о проделанной работе по подсказанным мною направлениям; сослуживцы, волею судьбы оказавшиеся в городе; даже один парторг из тех, что награждал меня именными портсигаром и флягой. Приходила Мария Фёдоровна, мама Миши, которого я окрестил разом и Перуновым, и Кадетом. Она похорошела за это время. И была мне очень благодарна за сына. Настя Ангел теперь жила с ней. Куда делся Бородач, дед Насти, она не знала. А вот Миша Кадет поехал учиться куда-то на Урал в артиллерийское училище. Офицером, то есть командиром, будет. Мария Фёдоровна не уставала благодарить меня за Мишу. И что в живых сохранил, и что я, как оказалось, настоящего человека и офицера воспитал. Обещала, что благодарность её не будет знать границ.

– Мария Фёдоровна, не надо, ей-богу! Я тут совсем ни при чём. Это вы его таким родили и воспитали. Я лишь держал его подле себя и эксплуатировал в своих интересах. Я его даже не жалел. Он в атаки на танки ходил и лично сжёг один танк по моему приказу. И в штыковые атаки ходил со мной вместе. В одной атаке и ранен был.

Мария Фёдоровна побледнела:

– Он мне ничего не говорил.

– В следующий раз внимательно осмотрите его руку. Там

след штыка. Всё уже зажило. А вот за девушкой приглядите. Приглянулась она Мише, как мне показалось.

Мария Фёдоровна кивнула:

– Он обещал нам венчаться с ней. Как с учёбы вернётся. Как раз ему совершеннолетие наступит.

Именно «венчаться», командиров называла только офицерами. Привычка? Старая закваска?

Мы ещё поболтали. Вообще-то в госпитале было ужасно скучно. Я лежал один в маленькой палате без окна, бывшей, наверное, когда-то подсобкой. Кормили не очень хорошо. Я поправлялся, аппетит рос, паёк – нет. Возмущаться было глупо – вся страна голодала. Гости подкармливали меня, кто чем мог. Надо было поправляться и возвращаться на фронт – там кормят лучше. И я стал заниматься. Йогой, или как там назывался комплекс, которому я обучился в юности. Всё быстрее время пролетало. Да и надо было восстанавливать тело. А там и истерзанное сознание и душа подтянутся.

Всё шло нормально. Мне сняли гипс с ноги, стал растягивать одеревеневшие связки и мышцы. А потом однажды пришли четверо здоровых мужиков в форме НКВД, с автоматами (почему-то не с привычными ППШ, а с ППД) и предписанием. Пришлось ехать с ними. Хорошо хоть они догадались мне одежду привезти. И обычную, и теплую. А что? С них станется, они и в пижаме на мороз потащат! Форма была общевойсковая, моего размера и роста, но бывшая в употреблении. Дырки от пуль и осколков заштопаны, всё выстирано.

Против лома нет приёма. Оделся и поехал с ними.

Узник (1942 г.)

Ехали сначала на машине. Долго, нудно. Молча. Потом погрузились в самолёт. Там мне дали тулуп до пят и тёплую шапку. В такую же спецовку облачились и мои конвоиры. В самолёте я выбрал угол с мягкими брезентовыми мешками (почта, наверное) и лёг на них. Оглушительно взревели моторы, самолёт покатился. Затрясло нещадно. Пришлось сесть, чтобы не скатиться от тряски на пол. Полетели. В воздухе трясло тоже сильно. Иногда мешки из-под меня вместе с самолётом на мгновение ухали вниз, а я догонял их. Это было больно. От всего этого меня сильно растрясло, и я потерял сознание. Когда очнулся, оказалось, что меня пристегнули какими-то ремнями к каркасу самолёта. Я спокойно опять отрубился.

Судьба Голума

(наше время)

Ничего лучше придумать не получалось. Поэтому стоял и ждал. По воскресеньям Отморозок, изрядно нагулявшись, уезжал почему-то в тот дом. По этой дороге. И если обычно с ним была полная машина приятелей и девок облегченного поведения, то в эту деревню он ездил исключительно в сопровождении одного охранника. Он же водитель. Было очень интересно, что же это за дом, куда он ездил, но там

забор с колючкой, охрана, видеонаблюдение и полноценный периметр. Моя пятая точка прямо вопила, что к этому периметру лучше не подходить. Даже смотреть на него пристально не надо.

Вдали маякнули фары. Едут. Я заглотил две таблетки чудо-химии, запил, завёл мотор. Этот скутер я угнал давно. Он был большим и тяжёлым. Все провода к свету перерезал, чёрной краской закрасил желтые полосы (раньше он был чёрно-жёлтый). У меня даже приборная панель не светила.

Сердце стало биться чаще, мир перед глазами вздрогнул, пальцы стало покалывать – таблетки начали действовать. Этот препарат используют в войсках. Уколотые подобной дрянью даже с выпущенными кишками рвутся в бой. И никакого болевого шока, никакой усталости, пока действие химии не закончится. Зато под этой химией могу перевернуть автобус. Спину и позвоночник порву в локуты, но переверну.

Паркетник Отморозка приближался. Когда он пересёк нужную мысленную линию, я выдавил газ на полную. У этого мопеда не только вес больше, но и объем двигателя утрон. Фактически это уже байк. Мотоцикл.

Байк нёсся наперерез паркетнику, резво сокращая расстояние между нами. Всё же я слегка ошибся в расчётах. Что расстраивало. Но только слегка, что обнадеживало. Я чуть сбросил скорость и за долю секунды до столкновения

свалился с байка, направив его под переднее колесо автомобиля.

Грохота аварии я не слышал – кубарем катился по асфальту. Хорошая вещь эта байкерская экипировка. Без неё я бы стёрся об асфальт, как сыр на тёрке. И таблетки подействовали – мне было совершенно не больно. Только бы шокер уцелел. Я поднялся на ноги и поковылял к джипу, вставшему поперёк дороги. Правая передняя сторона машины довольно сильно разбита, фара не горит.

Открылась водительская дверь. Оттуда выпал довольно крепкий мужик. Пониже меня, но намного шире. Он тоже встал и так же, как и я, пьяной походкой пошёл навстречу, вопя во всё горло положенные слова о том, что я попал, что меня зароят, что я не знаю, на кого наехал, и так далее и тому подобное.

Этот бодигард, видимо, был боксёром. Потому что его удара я даже не заметил, хотя и ждал. Надо же было мне подставиться! Но хоть и боксёр, а дурак. Зачем в шлем-то бить? Ну, расколол ты шлем, сломал себе руку, а дальше? А дальше – электроудар! А вот и нет. Шокер не выжил. Пришлось бить этого медведеобразного по старинке – ручками-ножками. А шокер использовать как кастет. Управился наконец. Завёл его руки за спину, скрепил их пластиковой стяжкой для кабелей.

А где же наш Отморозочек? А вот и он, целится в меня из пистолета. Только ствол в его руке гуляет туда-сюда. А

другой рукой он нос зажимает.

Ствол выплюнул дугу огня, ещё и ещё. Я пытался уйти с линии прицеливания как можно резче, но со злостью почувствовал удар в бок.

Время для меня замедлилось ещё тогда, когда я ствол увидел. А так бы все пули были бы мои – с десяти шагов-то. Четвёртый раз выстрелить я ему не дал – задрал ствол в небо и вlepил кулаком ещё раз в нос. И ещё раз. Потом покидал оба тела в авто, обшмонав их, выключил мобилы и рацию.

Паркетник завёлся. Вам бы, ребята, тогда сразу завестись и свалить. Но на что я и рассчитывал, решили покарать наглеца, что влетел в вас и побил машину и драгоценные морды. А теперь мы поедem в одно тихое местечко.

Когда-то это был коровник. От него осталось немного. Шифер растащили, скот порезали, оборудование сдали в металлолом. Тут даже навозом пахнуть перестало. А самое ценное – до ближайшего жилого дома пять километров. Хоть стреляй – никто не услышит.

Охранника я приторочил к толстой стальной скобе, что даже хозяйственные наши крестьяне не смогли выдернуть. На голове его был черный непрозрачный тряпичный мешок, на ушах – плеер с врубленным на всю «дынц-дынц». Какой-то современный диджей. Именно этот диджей, потому что его «дынц-дынц» нон-стоп и бешеная громкость. Быка этого убивать не хотелось, но и услышать он ничего не должен.

А вот Отморозок был распят в стойле и приготовлен для вдумчивой беседы. А пока он пребывал в беспомощности, я сделал себе перевязку. Мне повезло – пуля прошла ниже рёбер, раскроив кожу и мясо. Рана длинная, кровяки натекло много, но поверхностная. Вот ментам радости – крови моей будет кругом море. Тест ДНК – и вот он, подозреваемый. Пролил рану перекисью – зашипело, кровотечение утихло. Соединив края пальцами, залил её суперклеем, пара секунд – схватывался, можно дальше клеить. О дезинфекции, анти-санитариш, заражении крови – я не думал.

Отморозок пришёл в себя, начал верещать, пугать. Обещал мне семь самых страшных казней. И другую подобную, вполне ожидаемую чушь. Я заткнул ему рот кляпом. Таким, специальным, в сексшопе продаётся.

– Ты забыл мне напомнить о правах человека и Гаагском трибунале. А теперь слушай сюда. Мне совершенно перпендикулярно, кто ты и что ты. Если расскажешь всё, что мне нужно, будешь жить, будешь молчать – будет больно.

И, чтобы слова не расходились с делом, откусил ему кусачками мизинец на ноге.

Не сильно помогло. Когда на его ногах осталось пять пальцев на две ноги, он наконец заткнулся.

Я обработал ему раны. Так, слегка. Чтоб кровью не истёк. Вколол противостолбнячную сыворотку и противошоковое.

Когда он очнулся, вынул кляп.

– Поговорим?

– Ты кто? – спросил он.

Я запихал кляп на место:

– Вопрос не верный.

И пнул его по почкам. Когда он проорался, вынул кляп.

– Поговорим?

Он закивал.

– Что тебе нужно... от меня?

– Вот, это правильный вопрос. В этом городе убили и сожгли спортсменку. Мастера спорта по кикбоксингу. Твоих обезьян видели пасущими её. Зачем? Кто дал приказ? Кто убил её? Кто давал приказ?

Он ответил, что не понимает, о чём я.

Наш неплодотворный разговор продолжался два с половиной часа. Я даже притомился. Отморозок стал совсем инвалидом. За это время я узнал многое, но к цели почти не приблизился. Отморозок говорил, что увлёкся моей женой, но не получил взаимности. Он приставил двух своих шестёрков её пасти. Но эти двое пропали. Последнее, что они доложили – её остановили менты. Гаишники. Но странные гаишники. В фуражках, форменных рубашках, желтухах, с палками, автоматами, но в кроссовках. Один в красных, другой в белых.

И она пропала. Но он догадывается, кто причастен. Есть, по его словам, такая международная мегаструктура. Чудовищно мощная, всесильная. Занимается транспланта-

цией внутренних органов. И этот отморозок знал, а я не знал, что мою любимую похоронили без сердца и одной почки.

И полкан спрашивал про медкомиссию.

Я зря искалечил этого парня? Получается, так.

Я выволок обоих из коровника, оттащил подальше. В углу у меня стояли две канистры с бензином. Я залил коровник бензином, поджжёг. Я не собирался облегчать жизнь нашим операм. Пусть ищут. Второй канистрой был подожжён джип.

Я вставил батарейку в телефон калеки, включил, в последних вызовах нашёл абонента «Батя», набрал.

– Ты можешь определить местоположение телефона? – спросил я, когда мне ответили.

– Да, – после некоторого молчания, ответил сильный, уверенный голос.

– Поспеши.

– Ты знаешь, что ты труп?

– Да. Я знаю.

Не сбрасывая вызова, я положил телефон на шлаковый кирпич.

Я не успел отъехать и километра, увидел огни фар со стороны города. Хорошо, я поехал в сторону областного центра.

Подъезжая к мосту через реку, съехал с дороги на берег. Побросал в воду все улики – бинты, одежду, славную байкер-

скую амуницию, даже ботинки. Переоделся и поехал дальше.

Я сегодня числился на работе. Туда и поехал. Принял душ. Накровнял, пришлось с хлоркой убирать.

И что теперь? Если это действительно теневой рынок трансплантатов, то дела мои кислее соляной кислоты. Бороться с ними даже бесполезнее, чем с государством. И что мне делать?

Ничего не придумав, решил, что утро вечера мудренее, завалился спать.

Узник (1942 г.) Словесные танцы

Сколько летели, как приземлились, куда меня носили, сколько везли – не запомнил. В себя пришёл только на жёстком матрасе в небольшой комнате, едва освещённой тусклой лампочкой на низком потолке. Стены крашены серой краской, белёный потолок разводами. Окон нет, обитая серым железом дверь, топчан, на котором я лежал, массивный, но простой, без наворотов, стол и два табурета. Туалет типа «очко» был в углу, ничем не огороженный. Камера. Тюрьма. Без суда и следствия. Надо было орать: «Палачи! Душегубы! Кровавое чека! Диктатура! Пятьсот-милёнов-невино-убиенных!» – но я не стал. Я их прекрасно понимал, уже привык. Для этого времени – дело привычное. Сам поступил бы так же на их месте. На кону стоит и всё, и разом. Тут не до эфемерных прав человека или мнимых «свобод». Только эффективность. Ради свободы. Ради жизни.

Я несколько часов лежал неподвижно. То пялился в потолок, то дремал. Потом загредел замок, вошёл дюжий мордovorot без знаков различия, поставил на стол дымящийся котелок, кружку, накрытую куском чёрного хлеба, пачку папирос и пепельницу, так же молча вышел.

А жизнь-то налаживается! Картошка с мясом! Сладкий чай! Толстый кусок душистого хлеба! Я наелся. Хлебом дочиста выскоблил котелок, поставил всё на край стола и опять

лёг. С сытости уснул. И даже не слышал, как забрали посуду.

Потом я опять не менее плотно поел. Спать уже не хотелось, но делать было решительно нечего. Сон и хорошая еда наполнили меня силой. Стал разминаться, потом тренировка. Я слышал, как иногда открывается глазок в двери. Пусть смотрят.

Потом пришёл майор госбезопасности Кельш Николай Николаевич – так он представился.

– Мне бы хотелось с вами побеседовать, – сказал он, присаживаясь на табурет, положив руки на стол, сцепив пальцы в замок.

– Надо же! А что это вдруг? Чем я мог вас заинтересовать? За путешествие, конечно, спасибо. И кормят у вас неплохо, но зачем вы меня притащили сюда?

– Наши люди уже приходили к вам, ушли ни с чем.

– А тут, думаете, вам полегчает?

– Надеюсь на это. Всё же вам лучше с нами сотрудничать. Не думаете же вы, что сможете один противостоять системе?

– Не думаю.

– Ну, вот. Я же говорил, что вы разумный человек. Побеседуем?

Кому он что говорил, в этот момент меня совсем не волновало. В конце концов...

– А чё бы нет? Давайте и побалакаем.

Я вытер пот со лба рукавом, отчего майор ГБ поморщился, крикнул за плечо:

– Терентьев! Почему полотенца и умывальных приборов нет? Исправить!

– Благодарствую, ваше высокоблагородие.

– Не юродствуйте, Виктор Иванович, вам это не идёт.

– Ладно. Давайте сразу договоримся: вы спрашиваете, я отвечаю. Но я оставляю за собой право решать, что говорить вам, а что нет. На какие вопросы отвечать, а на какие нет. Устраивает? Если нет, то прощайте. Можете пытаться, слова не скажу.

– Скажете, Виктор Иванович, скажете. Только я не сторонник подобных методов, когда есть время. Предпочитаю беседу. Иные собеседники бывают довольно заняты. Я принимаю ваше условие. Время нас теперь не поджигает.

– Тогда спрашивайте.

– Расскажите о себе.

– О как! И что же я о себе расскажу? Родился, учился, болел, воевал, помер? Вопрос не корректный.

– Тогда скажите мне, как туповатый атеист-старшина, не крещённый, никогда в церковь не заходивший и презиравший верующих, вдруг становится паладином веры?

Я изобразил аплодисменты:

– У, какие вы слова знаете, Николай Николаевич!

Он склонил голову в шутовском поклоне:

– У меня были иногда о-очень занимательные собеседники. Да-с!

Это он мне вернул подколку с «высокоблагородием». А

мне он начинал нравиться. Блин, знать бы, он поможет мне и стране или он – враг? Как понять?

– Так вы ответите на этот вопрос или воспользуетесь правом не отвечать?

– Да я бы ответил. Только как? Вы знаете, всё течёт, всё меняется. Иногда медленно, иногда вдруг. Я был убит, я говорил с кем-то... пока был не особо живой. Сны эти странные. В таких случаях говорят: «Я прозрел». Меня как подменили, – я пожал плечами.

Майор ГБ ещё некоторое время ещё подождал, потом поджал губы:

– Ладно, довольствуемся этим. Расскажите мне про ваши изобретения.

– Что за изобретения? – я честно удивился.

– «Доспех».

– А-а. Так жить-то хочется. Не так, чтобы слепо, по-животному. А случайно погибнуть жалко. И ребят жалко. Поживут подольше, побольше их после войны останется. Война-то рано или поздно закончится. Дальше жить надо будет. А кто останется? Старики и дети неразумные?

– Это так, тут вы правы. Мотивация ваша понятна и даже достойна, но как вы пришли к такому решению?

– Толстой. «Война и мир». Кирасиры. Они носили стальные нагрудники. Мне показалось это разумным.

– От этого отказались. И, видимо, не зря.

– Стесняет движение, и вес большой. Но мой-то доспех

подвижный. Вес, конечно, немалый, но движения не сильно стесняет. Не больше ватника.

– А спинная конструкция?

– А что с ней не так?

– Наши специалисты в шоке. Вы же на пустом месте создали гибкую защиту позвоночника.

Я рассмеялся:

– Не я создал, а ботаники с завода. Я попросил: чтобы двигалась, вперёд гнулась, назад – нет. И принцип не нов. Так строилась сегментная броня легионеров. Так устроена чешуя рыбы. Надо лишь правильно поставить задачу нужным людям и видеть в голове результат. Я знал, как должно быть, а как сделать – не представлял.

– Теперь понятно. Правильно заданный вопрос – половина ответа.

– Ну, вот. Вижу, вы и сами это знаете. А какие ещё изобретения?

– Тактика боя. Армейские специалисты удивлены не меньше.

– Удивлены они? Долбоёжи! Чем они, интересно, перед войной, гля, занимались? К парадам готовились? Форму отглаживали? Оклады выжимали? Я её придумал? Тактику штурмовых групп применили немцы ещё в Имперскую войну. И наши применяли в Финскую. Надо было не строевой подготовкой заниматься, а учить людей воевать!

Я расходился не на шутку. Прорвало, что называется.

Майор украдкой улыбался.

– Я в отступлении капитана встретил. Кадровый. Предложил с нами идти, куда там! Как это он будет какому-то старшине подчиняться? Через несколько часов людей поднял на пулемёты в полный рост за триста метров. Идиот! Ладно, ему его бестолковую башку прострелили, так он людей угробил! Кадровый, гля! К какой он войне готовился? К боям с сипаями? С наполеоновской армией? Он что, не знает, что появилось в этом мире автоматическое оружие? Мы через пару дней такой же мост проходили. Ни одного человека не потеряли, а немцев всех вырезали. А у меня такие же щеглы были, как и у него. Штаны им амбиции жмут, хоть и шаровары носят! И мои «золотопогонники» бунт пытались поднять. Как в сказке, гля, «не хочу быть крестьянкой, хочу столбовою дворянкой»! А люди, дело, Родина? Да по хрен! Лишь бы звание повыше, участок поспокойнее да снабжение посытнее. И немец чтобы не мешал командовать. Ах, как немец им всем помешал! И форму себе пошили красивую, от красноармейцев такую отличную. Всё блестит, переливается. А немецкие снайперы и не нарадуются! К какой они войне готовились? К парадной? Думали, немец их финтифлюшки увидит и в ужасе в подвал забьётся? Ща-а-ас! Наклепали десятки тысяч самоходных самоваров, а тягачей – кот наплакал. Ни одного топливозаправщика, ни одного бронетранспортёра! К какой войне эти теоретики готовились? Немец готовился к войне, а эти долбоёжи к парадом готовились, к бою

на карте, в кабинете. Бойцы мои по лесу ходить не умели, а строем – умели. Им это до парада Победы хрен понадобится! А скорее всего, этим не понадобится. А дети, что вчера винтовку взяли, учиться будут не у отцов-командиров, а у противника. Научатся воевать, побеждать. А на параде Победы – как-нибудь!

За время этого моего монолога улыбка сползла с лица Кельша, лицо стало тревожно-сосредоточенное. Эк тебя пробрало!

– Ну, на этом сегодня закончим, Виктор Иванович. Сейчас ужин принесут, газеты свежие. Должен выразить своё удовлетворение началом нашего сотрудничества.

– Посмотрим, – ответил я ему.

Он ушёл, потом был ужин. Почитал пропаганду газет. Тупую, неумелую, не зажигательную. Потренировался. Быстро устал. Это хорошо – уснул быстрее.

На следующий день после завтрака Кельш опять пришёл. Сел на табурет, опять сложил руки на столе. Никаких бумаг с ним не было, писать он ничего не собирался. Об этом я его и спросил. Он пожал плечами:

– Я не Цезарь, говорить, слушать и писать разом не умею. Предпочитаю разговор.

Разговор так разговор. Я сел напротив.

– Тогда поговорим. С бутылочкой коньяка разговор бы лучше пошёл.

– Можно организовать.

– Но не нужно. Я решил больше не пить.

– Почему?

– Я уже потерял счёт полученным мною контузиям. Боюсь, что алкоголя мой мозг не выдержит. Как мычащее неразумное животное пользы я вообще не принесу. А мне танки с крестами жечь надо.

– Достойное решение. Надеетесь, что вернётесь на фронт?

– Надеюсь. Пусть и покалеченный, но я получше буду воевать, чем пороху не нюхавшие и под танком ни разу штаны не мававшие дети.

– Это так. За одного битого двух не битых дают. Сколько танков вами уничтожено?

– Я их не считал. Зачем? Ясно же, что их ещё много осталось, на всех хватит. Вот когда таких, как я, охотников будет больше, чем танков, тогда начнём считать.

– Вы танк за добычу считаете?

– Да. Большой, опасный зверь с толстой шкурой.

– А многие лишь увидев танк – теряют мужество.

– Это болезнь танкобоязни. Она лечится. Я своих бульдозером обкатывал. Под трактором в штаны пускали, а от танков уже не бежали.

– Да, это интересный опыт. Вы дошли до него одним из первых. Теперь часто новобранцев танками обкатывают. Не всех, к сожалению. Фронт сжирает полки и дивизии быстрее, чем мы успеваем сформировать. Так недоученными и идут в бой. А как вы оцениваете те противотанковые средства, что

были у вас на вооружении?

– Нормально оцениваю. Всё зависит от человека и выучки. У нас были «сорокапятки», пара трофейных 37-мм орудий, зенитки 37 мм, ружья противотанковые, гранаты, зажигательная смесь. Наш снабженец добыл где-то ампулы с огнесмесью. Шары такие стеклянные. Но стекло очень толстое. Не всегда даже о броню разбивалось. О землю вообще не билось.

– А зачем о землю?

– Я хотел огневую завесу сделать, чтобы от немцев оторваться, когда сменял позиции. Пришлось шары эти из автомата расстреливать. А огнесмесь хорошая. Вспыхивает сама, горит жарко и долго. С гранатами и так всё понятно – далеко не кинешь, тяжёлая. После взрыва самого же глушит. Оружие последнего довода. Когда танк тебя уже давит, хоть отомстить. Зенитки показали себя отлично. По всем целям. И по воздуху, и по земле. Очередь 37-мм гранат в пехотной цепи – сильный аргумент, сразу срывающий атаку. И по танкам. Бронейное действие слабое, но высокая скорострельность и способность быстро переносить огонь на разные объекты намного перекрывают этот недостаток. По одному танку на моих глазах долбанули разом с двух зениток. Пробили броню или нет, а танк стал не боеспособным – они ему поотбивали всё на свете, только ключья летели – колёса, траки гусениц, ещё что-то. А другому в бок очередь с пробитием – башня отлетела. Немецкая пушка хороша. Снаряды хоро-

шие. Броню прошивают на раз. Я сам из такой танк подбил. «Сорокапятка» имеет те же характеристики – приземистая, лёгкая, меткая, мобильная. Легко маскировать и менять позицию. Снаряды только подкачали – раскалывались о броню.

– Кстати, о снарядах. Откуда вы узнали, что дело не в браке изготовителей, а в технологии закалки?

Вот я и попался. Этому не споёшь, что в термичке подсказали – он легко узнает, что завод № 34 не производит 45-мм бронебойные снаряды. Лишь корпуса гаубичных «поросят». А как сказать? Что прочёл это «разоблачение» в девяностые годы двадцатого века? Так оно ещё не скоро наступит. Интересно, этому матёрому волкодаву удастся зубы заговорить?

– Людей моих опрашивали?

– Конечно, – пожал плечами следователь.

– Что будет с ними?

– Всё хорошо с ними будет. Обе части вашего сильно разросшегося батальона отвели на переформирование. Обычно на фронте дивизии истончаются до рот, а у вас один батальон вырос сам собой до полка, несмотря на потери. Теперь обстрелянный состав вашего батальона составит костяк формируемой истребительной бригады. Сейчас они в Моршанском учебном артиллерийском центре.

– Не помню такого.

– Так они его и создают. А майор Степанов, поведавший мне о вашем конфликте с комбатом из-за бракованных снарядов, и возглавит бригаду. Как отучится и поправится.

Кстати, вы были не правы.

– Я знаю. Нельзя было этого говорить тогда. Это потом я понял, что отобрал у людей веру в оружие, а Ё-комбат сразу просёк, потому и вспылил.

– Вы отвлеклись, Виктор Иванович. Так откуда познания в технологии закалки?

Вот ведь волчара!

– Сорока принесла на хвосте. Слухи.

– Никто не слышал этих слухов, а вы слышали.

– Не слышали или не хотели слышать? Кто-то же за это головы потеряет! Столько лет производили бракованные снаряды, сколько успели сделать? А услышав, реагировали, как Владимир Васильевич: нельзя армию оставить без снарядов к основному оружию. Так ведь?

– Как сотрудники НКВД проявили себя в бою?

Похоже, удалось зубы заговорить. Запомним, на что ведётся. Или сделал вид, что его удалось заболтать. Не важно. Закрепим успех:

– О! Вот тут мне есть чем гордиться, хотя я попал в батальон случайно. И вы можете гордиться своими сотрудниками. Когда будете писать отчет о наших беседах, прошу особо отметить, что я очень сильно прошу направить меня в формируемую бригаду. У вас, наверное, особый спецотбор в органы? Это элита. Цвет нации. За всё время, что я был с ними, ни одного случая бегства перед лицом противника, ни одного труса или паникёра, ни одного самострела, даже

случайного. Массовый героизм. Поголовная сознательность, мужество, самопожертвование, отрицание страха перед долгом. Как мне было жалко терять таких ребят! Ведь они первыми гибнут, а трусы выживают. Цвет нации гибнет. Так и до вырождения не долго дойти, — я тяжело вздохнул, — выживут не лучшие, а наиподлейшие. И детей своих научат «правильно» жить. Без чести, но жить. И посмеиваться над нами будут: «Дураки, с гранатой под танк! А я вот бросил всё и сбёг. И вот я живу, а от них и костей не осталось!» Фанатиками нас выставят. И продадут всё, за что мы погибли за красивые фантики.

— Это вам ваш пленник из будущего рассказал? Как вы его звали? Голум? А почему Голум?

— На эту тему я с вами разговаривать не буду.

— Ваше право. Мы уговорились. Но позвольте полюбопытствовать, почему?

— Я понял, что вы кое-что уже знаете о нашей лесной находке?

— Очень многое знаю. Более того, для этого я и здесь.

— Ну, вот. Карты и открыты. О нём я не буду с вами разговаривать.

— Почему?

— А я вас не знаю. Знания о будущем — великая сила. И от того, в чьих руках окажется, зависит это будущее.

— Как зависит будущее?

— Будущего нет. Оно изменчиво. Есть непреодолимые пред-

посылки, есть случайность, которая эти предпосылки способна перевернуть наизнанку. И от каждого из нас каждую секунду зависит, каким будет будущее.

– Получается, что добытые вами сведения бесполезны?

Я пожал плечами. Кельш постучал пальцами по столу, задумавшись.

– Со мной вы не будете разговаривать. А с кем будете?

– С тем, кому смогу верить. В ком уверен. И буду уверен, что человек этот не обратит полученные знания против моего народа. Там и так всё беспросветно. Но всё можно изменить. Исправить уже не выйдет, а вот избежать ошибок – возможно.

– И нагородить новых. А в ком вы уверены?

– В Сталине, Берии.

Кельш рассмеялся:

– Да, от скромности ты не умрёшь. А кроме них?

– Я не буду больше с вами разговаривать. Время уходит. Двадцать девятого января случится непоправимое, и ничего уже будет не исправить. Тридцатого можете этими сведениями подтереться. Я всё сказал. До свидания.

Но следователь не уходил. Он в задумчивости крутил большими пальцами.

– Двадцать девятого. Покушение на Лаврентия Павловича. После – ничего не исправить. Почему такое значение для вас представляет именно Лаврентий Павлович?

– Так вы знакомы с записями? А зачем тогда спрашиваете-

те? Чем война закончится?

– И он может это изменить?

– У вас есть под руками другой управленец такого же уровня, способный справиться с подобными задачами? И не с одной, а с неподъёмным комплексом проблем? Если есть – никаких проблем, ваше дело. Я только не пойму, зачем я вам? Отпустите меня воевать. Я умею молчать. Я там буду изменять будущее в свою пользу, насколько сил хватит. Пока не убьют. Или пристрелите сейчас, мне – до лампочки. Я не идиот, хоть и контуженый. Я знаю, что с системой бороться бесполезно.

Кельш ещё посидел, глядя сквозь меня, потом слегка хлопнул ладонями по столу, попрощался, ушёл.

Узник (1942 г.) В пыточной

Целый день меня никто не трогал. Всё было как обычно. Трёхразовое питание, пачка неплохих папирос, тренировки. Нога сгибалась только наполовину, но вес тела держала исправно. Левая рука также почти не работала, но правая стала возвращать себе былую скорость и ловкость.

А потом не принесли ни завтрака, ни курева. Козлы. За сутки никто ни разу не открыл двери.

На следующий день дверь открылась:

– На выход. Руки за спину. Лицом к стене.

– И как ты это себе представляешь? Не видишь – рука на привязи?

– Не разговаривать! Другую руку за спину.

Привели меня в маленькое помещение, которое я сразу окрестил пыточной. Обстановка соответствовала. За массивным столом сидел плотный коротышка с заплывшими злобными глазами и набитыми костяшками пальцев. Видно, что из палачей вылез. По его позе было видно, что он при ранге и должности, но гимнастёрка не имела знаков различия. Шифруется? Рядом стояли двое мордоворотов.

Меня посадили на стул. Массивный такой, основательно-тяжёлый, без обивки. Конвоир вышел.

– Ну? – спросил меня «палач».

– Не запряг! Ты представился бы для начала.

– Дерзкий? Это мы из тебя быстро выбьем, – пообещал коротышка, прищурившись, как кот, увидевший мышь.

– Выбьешь? – я рассмеялся. – Напугать пытаешься? Слышь, ты, мурло! Ты танки немецкие вблизи видел? Под ними был? Под бомбёжкой «лапотника» был? Ты меня испугать пытаешься? А вот хрен ты угадал!

Я орал на него. Он едва кивнул. Мордовороты пошли на меня. То, чего я и добивался.

Идиоты! Они меня даже не связали! А я уже достаточно разозлился, чтобы впасть в состояние изменённого сознания, которое я называл яростью. Только в этот раз ярость сопровождалась сильной болью и сильным жжением в затылке.

Не вставая со стула, я пнул одного мордоворота – правого – ногой под коленную чашечку, скользнул со стула вправо, за него, согнувшегося, опустил локоть ему на затылок, отправляя в бессознательный полёт лицом на угол стула. Другой мордоворот очень удивился моей прыти, но пёр на меня. Когда он переступал через поверженного товарища, я скользнул к нему в упор, подныривая под удар, подтолкнул его руку, от чего его развернуло, ударом ноги в сгиб колена осадил его, потом локтём так же сверху добавил. Только в лицо, так как падал он на спину.

Он ещё не упал, а я уже перешагивал через него, подошёл к столу, открытой ладонью ткнул «палача» в нос и отобрал наган из поднимающейся от кобуры руки. Наган я схватил за ствол, не размахиваясь опустил его рукоятью на кисть ле-

вой руки «палача», которой он упирался в стол. Хруст. Он не взвыл – уже был без сознания от удара в нос, начал падать на стол. Я помог – положив ладонь на затылок, увеличил скорость встречи его медного лба и дубовой столешницы.

Всегда в ярости время для меня замедляется. Я знал, что это невозможно, что это мои реакции и активность мозга так возрастают, но выглядело это, будто в замедленном кино. В ярости нельзя находиться долго – сил и энергии не хватит. Можно перегореть, как лампочка при перегрузке. Я стал успокаивать себя, сел на стул. Жжение в затылке ослабло.

– Конвой!

Дверь распахнулась, вбежали двое с наганами (я гляжу, любят в этой организации револьверы больше, чем пистолеты).

– Вы зачем меня привели? Смотреть на гладиаторские бои? Мне не интересно. Отведите меня обратно в камеру!

– Что тут произошло?

– Откуда я знаю? Они стали бить друг друга.

– Это почему это?

– Я тебе что, психиатр, что ли? Откуда я знаю?

Меня отвели на место. Всё вернулось на круги своя. Принесли поесть, папиросы, газету. От двадцать седьмого января сорок второго года. Эх-хе-хе! Мало оказалось довести ядва, донести его записи до своих. Надо было как-то до Берии добраться. А это сложнее, чем по тылам немца пройти. И ранение это, чуть не добившее меня, не вовремя. Не будь

и ранен, может, и сумел бы всё сделать. А теперь сиди и уповай, что Парфирыч и этот разговорчивый Кельш окажутся сторонниками Берии, а не в обойме заговорщиков.

Ведь Берию никто не любил. Все его боялись. Он провоцировал грандиозные дела с наивысшей скоростью и эффективностью. С соответствующей и неизбежной жестокостью и бесчеловечностью. За что его любить? Он умел использовать не только сильные стороны людей, но и чувствительно прихватить за слабости. Недругов у него хватало. А уж как они после смерти Сталина на нём оторвались! Мало, что смешили, оклеветали, уничтожили, имя его в такой грязи вывалили, что и не видно ничего настоящего. Даже в двадцать первом веке мало что известно о лучшем кризис-менеджере двадцатого века.

Но, как говорится, дай нам Господи сил смириться с тем, что изменить мы не можем!

Узник (1942 г.) Свидание со старым знакомым

А на следующее утро дверь открылась, и вместо завтрака пришёл Тимофей Парфирыч Степанов. Я вскочил, так как был рад его видеть, хотя тень сомнения в нём не покидала меня. Парфирыч раскинул руки, в одной была зажата газета, и мы обнялись. Крепко, как друзья после долгой разлуки.

– Как ты, Витя? Рассказывай!

– Да что я! Рад тебя видеть. Не ожидал такого, а рад! Что там, в мире?

– Сейчас расскажу. Пригласишь, или так и будем на пороге стоять?

– Так я тут и не хозяин. Меня даже пытать пытались, извини за каламбур.

– А, наслышан. Ретивый, но недалёкий следователь решил проявить инициативу и ускорить получение твоего согласия на сотрудничество. Но в последний момент он и его подручные сошли с ума и побили друг друга.

– Я там присутствовал. Все живы?

– Таких убьёшь! Им бы каждому по ПТР и в окоп. Их лбами можно танковую броню пробивать.

– А что они сказали?

– Что инвалид-подследственный превратился в призрака

и избил их.

– Так это же невозможно!

– Это ты мне мозги засираешь? А то я тебя не знаю! Хорошо, прокуроры тебя не знают и тоже посчитали это невозможным. Но ведь тебя не это интересует? Тебя же подмывает про «Восток» спросить.

– Подмывает.

– На, смотри. Это «Правда» за тридцатое января.

На первой полосе шло сообщение о покушении на Берию. Нарком был ранен, но угрозы жизни нет. Заговорщики схвачены, организаторы выявлены, арестованы, ждут суда.

– Я не успел?

– Эх, Витя! Что бы мы без тебя делали? Всё-таки не подвела меня интуиция. Чутьё у меня, Витя. Хорошее чутьё. А с годами только усиливается. Я как о тебе узнал, сразу почувал в тебе что-то. Только вот что – не понял. Враг ты или соратник? Приглядывался. Ты вроде и весь на виду, но в то же время и какой-то чужой, непонятный.

– Загадочный? – усмехнулся я. Так меня жена называла. Пятнадцать лет прожили вместе, а она всё одно загадочным звала.

– Одно чуял точно – не врал ты, когда патриотические речи толкал. Рискнул, к сыну определил, чтобы приглядел за тобой. А получилось, что ты его спас, многому научил. А теперь нас всех спас от ошибки.

– Ошибки?

Парфирыч вздохнул, расстегнул воротник, весь как-то осунулся, будто вынули из него центральный стержень. Он превратился из старшего майора ГБ в обычного старика, битого жизнью. Круто. Их учат этому фокусу перевоплощения, или это природно-интуитивное, как его чутё?

– Понимаешь, информация о мнении, что Берия сильно мешать стал, была даже у меня. Очень многие были им недовольны, что не удивительно. И тут этот мальчишка с Антипом с письмом от тебя. Я почитал записи этого Голума. А это его настоящее имя?

– Нет. Это прозвище.

– Он так себя и в записях называл. Странно.

Правда, странно. Хотя что странного? Он – это я, каким мог бы стать в будущем. Или стал. А загадочность – это генетическое. Куда оно денется?

– Почитал я эти сочинения, – продолжил Парфирыч, – многое у меня в голове перевернулось. Я сначала не поверил. Чушью посчитал. Дезинформацией. Думал, и как же это Кузьмина так вокруг пальца обвели?

– А вещи? Я как их увидел, сразу понял, что этот жаворонок неспроста тут. Там такие предметы, обычные, обиходные, которых пока и создать невозможно. Мы ими тоже пользовались. И теперь не представляю, как без них? Зажигалка прозрачная со сжиженным газом, прозрачные плёнки, самоклеящаяся лента, самопишущие ручки, рации. И на всём этом даты производства. Для дезы – больно накладно. Из ма-

териалов, ещё не существующих, производство, технологии, каких нет – для дезы?

– Да, это и меня убедило. Но дело не в этом. На многие события и на многих людей я взглянул по-другому. Того же Берию взять. Я и не знал о его руководстве атомным проектом. О разработке вооружений знал. Мы считали, что он и должен этим заниматься, а госбезопасностью должны заниматься мы. А оказалось, что половина нашей... его разведки занималась... как это в голумовых записях называется? А, вот – промышленный шпионаж. Поэтому я и поехал к Меркулову. Мы с ним неплохо знакомы. А Меркулов уже и вышел на Берию. Он приказал тебя и всех причастных изолировать, фигурантов записей взять под наблюдение и... И всё.

– Почему?

– Твой Голум основывался на художественных произведениях и слухах с домыслами. Не самый надёжный источник, согласишься. А затрагивались интересы совсем не маленьких людей. Ошибиться нельзя.

Парфирыч тяжело вздохнул:

– Несмотря на всю свою значимость, Лаврентий Павлович сам себя назначил на роль живца. Кстати, твой «доспех» ему и спас жизнь. Он его под тонкое пальтишко надел, чтобы ватником выглядело. Простыл только сильно. И в руку ранен. И внутренние травмы. От удара пули броня твоя не спасает.

– Это точно, – я потёр грудь с левой стороны, куда впиалась тогда винтовочная пуля, пробив 8-мм пластину доспеха.

– Хорошо, в голову не попали. Близко и их не пустили, они издали стреляли. Про «доспех» они не знали.

– Ну, вот и хорошо. Теперь меня отпустят? Записи у вас, Голума я, к сожалению, потерял. Больше ничем не могу помочь.

– Этот человек точно мёртв?

– Ему миной оторвало обе ноги, разворотило кишки. Нести его было некому, мы были под сильным обстрелом. И не донесли бы. Я ему полмагазина автомата в лицо выпустил. Чтобы наверняка. Немцу он не достанется.

– Точно?

– Парфирыч! На фига мне врать? Неужели ты думаешь, я его немцам бы оставил? И Кадет видел.

– Перунов будет говорить то, что ты скажешь. Даже под пыткой.

– Надеюсь, его не пытали? Молодых, с не заостеневшей психикой, сломать легко. А он хороший парень.

– Нет, конечно. Даже не допрашивали. Мы с Сашей с ним поговорили, порасспрашивали, Саша его и забрал в училище, от греха подальше, спрятал. А что там за история с немцем? Вели-вели его, потом живым бросили.

– Перевоспитывали. Думаю, когда вернётся домой, а он должен вернуться и не пойти больше воевать, он не откажется сотрудничать. Привет от меня передадите, поможет. Только он не будет делать ничего, что может повредить немцам. Он все-таки любит свою страну.

– И что от него толку?

– Парфирыч, ну ты что? Не разочаровывай меня. Я шпион или ты? Неужели я должен вам, матёрым волкодавам, подсказывать, как использовать агента влияния, как он может, своим не навредив, нам помочь? Беглых пленных укрыть, сообщение передать. Да, я не знаю вашей шпионской специфики.

– Да, Витя, ты прав. Наверное, я устал. Надо отдохнуть. И ты отдохни. Завтра поедем в гости.

Узник (1942 г.) Суд инквизиции

Ехали мы не долго. Всего полдня на машине. Мне завязали глаза, поэтому я ничего не видел. Приехали. Судя по звукам, за город. Меня вывели, вели, поддерживая, через двери, по лестницам. Вверх, вниз, опять вверх, опять вниз, ещё вниз. Они кружили меня. А я и не старался запоминать дороги. Оно мне надо – пытаться перехитрить НКВД? Напрасные напряжения меня никогда не вдохновляли. Наконец пришли. Комната. Большая. Есть окна. В помещении несколько человек. Я сел на подставленный стул.

– Старшина, нам надо ждать от тебя неожиданностей? – раздался голос Парфирыча.

– Смотря что планируется, – пожал я плечами.

– Разговор, – ответил голос Кельша.

– О! Николай Николаевич! Давненько не виделись! Поговорить я не против. Меня не будут трогать – буду послушным, как гимназистка.

Три пары сапог прошли к выходу. Начался разговор. Спрашивали Парфирыч, Кельш и два незнакомых. Я чувствовал ещё двоих, но они молчали, только стулья скрипели. Меня расспросили о службе, о боях, об увиденном, о моих впечатлениях и мыслях. Дошли до машины времени и я-два.

– Почему вы сразу сделали однозначный вывод о пришельце из будущего?

М-да. Почему? Сказать им, что я сам засланный казачок? А что? Реальный шанс попрогрессорствовать. Меня слушать будут. В рот заглядывать. И... запрут. Далеко и надолго. Во избежание. У крысы лабораторной – судьба скучная. Хотя и безопасная. Безопасная? Не стану ли я артефактом, за обладание которым начнётся война между своими с непредсказуемым результатом? Не лучше ли старшиной роты охотиться на танки? Опаснее? Не намного. Зато сам хозяин своей жизни!

– Кузьмин, ты не уснул?

– Задумался. Говорить вам или нет. Скажу – закроете меня за решётками и мягкими стенами. Как психа. А не говорить – не отстанете. Так и будете думать-гадать, где я вас обманываю.

– Говори. Мы уже все убедились в твоей твёрдой разумности.

– Там, в последнем бою, я пошёл в атаку на танки.

– Да, нас тоже удивил этот поступок. Ты приказал своей роте отходить на запасную позицию, а сам пошёл в одиночную атаку на танковый батальон. Почему?

– Тогда мне это показалось хорошей идеей.

– А сейчас?

– А сейчас я понимаю, из моей атаки вернуться было нельзя. Это сейчас. А тогда – пелена усталости с глаз спала, и я вдруг отчетливо увидел всё поле боя. Каждый танк, каждого человека. Говорят, это особое состояние психики, быва-

лые бойцы называют подобное упоением боем. Я увидел, что враги сосредоточились на обстреле моих ребят. Их было так много, что я понял – никто не добежит, всех в спину положат. Нет смерти для мужчины позорнее, чем в спину, а ребята уже доказали, что они – герои. И ещё я вижу, что на меня никто внимания не обращает. И я рванул обратно. Я зашёл им во фланг. Я убивал их раньше, чем они понимали, что я – не один из них. Я зачистил всю траншею. И танк увидел. Так себе танк, чешский. Надёжный, но устаревший. Броня тонкая, на клёпках, оружие слабое, силуэт высокий. Только внутри асы сидели. Они всю Европу уже проехали. Ну, думаю, дальше я вас не пущу! У меня противотанковая граната и огнесмесь. Не помню, в чём – бутылка или шар ампулы. Я подобрался к нему ближе, кинул и то и другое. Танк загорелся. Но я попал неудачно – он продолжал ехать. Развернулся и на меня пошёл. Может, на гусле порванной его крутануло?

Я вздохнул.

– Так я под ним оказался. А он – взорвался. Кто-то, наверное, ему в корму добавил. И вот тогда я и разговаривал с ангелом.

– С каким ангелом?

– Невоспитанным – он не представился. Он сказал, что долг мой не уплачен, что я должен встать и пойти. Я встал и пошёл. А он меня за руку вёл. Я видел другой мир. Там я видел очень много чудного и странного. Люди одеты по-другому, спешили все куда-то. Там все носятся как угорелые.

Меня никто не видел. Он сказал, что русские должны успеть сделать ядрён-батон не позже американцев. И отвечает за это – Берия. Баланс восстановится, человечество будет спасено. Потом я опять оказался под сгоревшим танком. Он сказал, что я видел будущее, которое ускользает, потому что их противникам, человеконенавистникам, удалось убрать из игры маршала Жукова. Там для них он был важен. Я должен идти, найти в лесу Голума и спасти человечество. Всё. Он исчез. Я думал, что это меня так сильно контузило, что я бредил. А когда мои ребята показали эту прозрачную зажигалку, меня как током пробило – там, в бреду, прямо передо мною парень прикуривал от такой зажигалки. Это был Голум.

– Красивая сказка. Товарищи, вы ему верите? – спросил насмешливо голос.

– Как хотите, – ответил я. – Это ваше дело, верить мне или нет. Я только вот что попрошу. Лаврентий Павлович! Я вас знать не знаю, но многие мои друзья жизни положили, чтобы предупредить вас. Мы отринули усталость, трое суток без еды и сна бежали, не останавливаясь, по лесу и болоту. Каждый из нас был ранен. Но мы вырвались из мешка. И если надо, положим жизни и остальные. За вас ангел просил. От вас зависит судьба человечества. В минуты слабости или сомнения вспомните, что мы не колебались, вспомните, что стоит на кону. Ангел просил передать – будущее не предрешено. Каждый из нас каждую секунду строит будущее. За судьбу правнуков стоит бороться. Мы надеемся на вас, Лав-

рентий Павлович. Всё.

– Нет, не всё, – ответил мне голос с кавказским акцентом, – как ты узнал, что я здесь?

– А ради кого меня сюда везли? Ради Кельша и Степанова, при всём моём уважении к ним?

– Ладно. Отсюда ты можешь выйти только нашим сотрудником.

– Без проблем. Только на фронт.

– Нет. Ты отвоевался. У тебя будет другая работа.

– Тогда вынужден отказать. Моё дело – немца бить. Что вы мне предложите? Врагов народа искать? Осназ? Это когда они по несколько суток на брюхе, молча, ради одного пленного? И ни разу не стрелнуть? Это скучно! Надо, чтобы рвалось всё! Чтобы тысячи раз умереть можно! Чтобы немцев и танков много!

– В одиночку штурмовать танковый батальон или зачищать три этажа школы?

– Ну, вот, вы понимаете! Я тогда только один этаж очистил. Лестницу наверх ученическими партами завалил и поджёг всё. Они со второго этажа прыгали, а мы их штыками и прикладами! Не смогу я вашу работу делать. Запорю всё!

– Но у тебя получалось! – это голос Парфирыча. Переживает старик.

– С перепугу человек может паровоз обогнать. Не факт, что на олимпийских играх он повторит это. Экспромт и профессионализм несовместимы.

– Что же, насильно мил не будешь. Жаль. Мы предложили помощь. Без нашего крылышка тебя ждёт военная прокуратура. Они нам уже все телефоны оборвали. И как ты умудрился столько напортачить? Да, экспромт. Что ему там они впаять хотят?

– Расстрел.

– Это уж чересчур. Воевать некому. Пусть заменят на штрафную роту, как поправится. Верховный как раз издал приказ «Ни шагу назад!». Там и немцев много, и тысячи раз умереть можно, как он и хотел. Прощай, старшина Кузьмин. Да, спасибо тебе от меня лично.

– До свидания, Лаврентий Павлович. И не за что. Не ради вас старался, а за народ свой.

– Дурак? Может, его и в самом деле медикам показать? Он ведь и правда не от мира сего.

– Штрафная рота покажет.

Вот так решилась моя судьба. И в штрафниках можно воевать.

В гостях у «шурочки» (1942 г.)

Маршевая рота

Март по календарю, а морозы трескучие. Правильно говорят: марток – одевай семь парток. Я одет тепло. Теплое бельё, шерстяная комсоставская гимнастёрка и галифе, валенки, меховые трёхпалые рукавицы, ватная фуфайка и штаны, а сверху ещё и полушубок овчинный. Это меня так друзья в штрафники собирали. Сидор за плечами полон сала. В кармане штанов – трофейный «Вальтер», хоть и не положено. А в валенке – штык-нож, пришит ножами к штанине.

Я иду в строю сотни штрафников. Мы маршевая рота. Идем весь день навстречу зареву и грохоту войны. Это горит столица моей Родины. Там мы пополним штрафную роту 237-й стрелковой дивизии.

Большая часть штрафников – зеки. Зачем они на фронт идут, непонятно. Но меж ними и проштрафившимися фронтовиками уже было несколько стычек. Даже я поучаствовал. Подвалил ко мне один такой хмырь, явная «шестёрка», прощупать меня решили, значит. Схватил меня пальцами за воротник, сиплым голосом прохрипел:

– Ничё так шкурка. А народ мерзнет. Может, поделишься, краснопёрый?

Блин, меня даже не разозлило. Отпор в таких случаях на-

до давать очень жёстко, чтобы не повадно было. Одним резким движением рук стряхнул рукавицы – они упали к ногам. Я схватил его за пальцы, резко, аж захрустело, вывернул вверх, зек, соответственно, с воем – вниз, упал на колени. Я сбил с него левой рукой шапку, схватил за ухо, крутанул. Зек, вопя, как сирена воздушного предупреждения, развернулся на коленях на сто восемьдесят градусов, лицом к толпе и к тем, кто его послал меня пробить. Правой рукой я уже достал из валенка финку:

– Кто прикоснется ко мне, потеряет какую-либо часть тела, – громко сказал я и тут же отсёк ухо этому зеку. – Кому урок будет невдомёк – замочу!

– Кузьмин! Отставить!

О! Младший политрук нарисовался, затвором щелкает. Вообще-то он нормальный пацан, только вынужден командовать маршевой ротой штрафников, а это тот ещё сброд.

– Что ты наделал, Кузьмин? Как он теперь стрелять-то будет? Зачем пальцы-то ломаешь?

О, как! А ухо – это нормально?

– И правда! – всплеснул рукой с финкой я. – Что ж, его теперь в госпиталь? Мы воевать пойдём, а он отлёживаться? Нет, так не пойдёт!

Завершая взмах рукой, финка вонзилась в основание шеи у ключицы. Выдернув нож, толкнул тело вперёд. Струя крови брызнула на толпу штрафников. Я присел, стал вытирать лезвие о ватник зека, смотря прямо в глаза его пахану –

Митьке Сивому.

– Кузьмин, встать! – голосом, сразу зазвеневшим сталью, приказал младший политрук. – Ты арестован.

– Я в курсе, товарищ политрук. Более того, я осуждён за подобные неоднократные живодёрства к «шурочке». Арестовывай, отправляй в тыл, меня посудят-посудят и присудят штрафроту. А пару месяцев я в тепле посижу.

– Я тебя сейчас на месте шлёпну!

– И через месяц присоединишься к ним. Пройдёшь моей дорогой. До «шурочки». Выпиши себе билет в один конец.

– Можно подумать, у тебя есть обратный билет.

– Есть, конечно. Я заговорённый, политрук. Меня нельзя убить.

– Посмотрим! Встать в строй!

Этим всё и закончилось. Теперь, правда, все сторонились меня, Сивый смотрел звериным взглядом, но мне было плевать. Меня больше волновала боль в колене от многочасовой пешей прогулки.

Кого только не было в рядах штрафников! Настоящий зоопарк. Но описывать не буду – скучно это.

Мы шли по пробитой в сплошном снежном насте дороге. Сугробы отвалов образовали белые стены по сторонам метра в два высотой. Шли штрафники по четверо в ряд, плотно прижавшись друг к другу – так теплее. Только я шёл теперь один, последним – все сторонились психа. Младший политрук шёл впереди колонны, позади меня на трёх санях ехал

заградотряд – дюжина бойцов КВ НКВД с тремя «дегтярями». Кстати, нормальные ребята. За шмат сала согласились везти мои пожитки – брезентовый мешок с «доспехом», разгрузкой и ещё некоторыми вещами. Изредка мы с ними переговаривались, хотя не положено.

Последним я шел не специально, а из-за больного колена. Ещё несколько дней назад оно не болело, но три дневных перехода растеребили рану. За последний час со мной сравнился коренастый штрафник. Конвоиры прикрикнули на него, но он сослался на сломанные рёбра, и от него отстали. Он шёл, закусив губу, с болью в глазах. Похоже, что не врал.

– Как это тебя угораздило?

– Сопrotивлялся.

– А-а, понятно. Потоптали. За что в штрафники угодил?

– За убийство.

– Во как! И кто же лишним на земле был, по-твоему?

Боец бросил на меня злой взгляд:

– Он заслужил.

– Хорошо хоть так. Это лучше, чем по пьяни да случайно.

Тебя как звать-то, коллега?

– Иван. А почему коллега?

– Я – Виктор, тоже душегуб.

– Я видел.

– Ты давящую повязку на грудь сделал?

– Зачем?

– Понятно. Не сделал. Вот и мучаешься. Я однажды тоже

сломал ребро. Случайно. Ох, и мучился! А потом в больнице утянули – полегче стало. Даже на работу вышел. На вот, жевни.

Я достал из-за пазухи кусок отогретого сала, отхватил половину и дал Ивану. Он вцепился в сало, как неделю не евший. Того и гляди зарычит, как голодный пёс. М-да, нелегко ему пришлось.

– Откуда сам? – спросил я его.

Он опять посмотрел на меня злобно.

– Да мне по барабану, если честно, можешь не отвечать. И чем я тебя так разозлил?

– А разве чекистам не положены отдельные штрафбаты?

Я рассмеялся:

– Какой же я чекист? Я – истребитель танков. Нас осенью в спешке сформировали, сгребли всех, кто был под рукой, одели и вооружили, чем смогли, и под танки бросили. Милиционеров в нашем батальоне было большинство, вот и нашили петлицы войск НКВД. Да и паёк у них получше – тыловая сволочь не отворовывает, чекисты это чётко отслеживают. А в остальном обычная пехота. У меня ротный был из чекистов, а комбат – армеец.

– А что ж тогда вертухаи хабар твой везут и лыбятся тебе?

– Так они тоже сало любят. Не люди, что ли? И анекдот хороший.

– Всё-то у тебя легко получается, – буркнул Иван, пряча обмылок сала за пазуху.

– Держись меня, и у тебя легко получаться будет.

Он посмотрел на меня внимательным, «рентгеновским» взглядом. Ого, как ты можешь смотреть! Да ты не так прост, Ванёк! Ну, смотри, смотри.

До заката шлёпали молча. Иван так и шёл рядом.

– И откуда у тебя весь этот хабар? – наконец не выдержал мой попутчик.

– Друзья собирали меня.

– Хорошие у тебя друзья.

– Ну, да, неплохие.

– И видимо, большие шишки.

– Видимо.

– А что же не отмазали тебя?

– Так ведь я и правда виноват в том, за что меня осудили. В самом деле занимался самоуправством и самосудом. И несколько человек лично осудил и лично расстрелял. Некоторые из них были сильно старше меня по званию.

Иван опять зыркнул на меня, отвернулся.

– Не настолько, значит, друзья твои важные. Не смогли?

– Да ведь и не в том дело! Я же тебе сказал, я на самом деле виноват. А виноват – надо расплатиться.

– Ты больной, что ли? Или издеваешься так? – зарычал Иван, отшатнувшись.

– Да как ты не поймёшь! Под Богом же я хожу. Я согрешил – должен ответить.

– Да пошёл ты! Что ты тут лепишь? «Согрешил», «отве-

тить»! У меня красные весь род вырезали – кто ответил? За рассказывание кто-нибудь ответил? Где твой Бог?

– Ответили. Или ответят.

– Да пошёл ты! – Иван уже кричал. Бойцы сопровождения соскочили с саней, взяли оружие наизготовку.

– Ответили они! Я лично видел, как один всю мою семью из маузера расстрелял. И что? Ответил он? Я его нашёл – вся грудь в орденах, генеральские звёзды на воротнике. Где твой Бог?

– Это за него ты сюда угодил?

Иван сразу осёкся, быстро огляделся, насупился.

– Нет, – буркнул он.

– Он сейчас жив?

– Нет.

– Значит, ответил.

– Ага! – взвился Иван опять, но тут же осёкся, замолк.

– Пусть и твоими руками, но ответил. Бог как раз нашими руками и восстанавливает правду.

– А его руками кто?

– Бога или генерала?

– Генерала.

– Противник Бога и рода человеческого, человеконенавистник.

– Тьфу на тебя, болтун. Да пошёл ты! Не хочу с тобой больше говорить. Я думал, ты серьёзный человек, а ты – баболок. Или дурачок блаженный.

– Слышь, Иван, – позвал я его шёпотом, – а как ты сделал, что никто не догадался, что это ты?

– Он в реке утоп. Я-то тут при чём?

– Утоп, говоришь, – я усмехнулся, – а Бог тут ни при чём? А ты молодец. А в штрафники как попал?

Тот зло зыркнул на меня и прибавил ходу, догнав последний ряд.

– По малолетке за поножовщину сел. Не успел откинуться – опять его повязали над телом. Прошлой весной. В лагере вскрыл двух политических. От расстрела в штрафники бежит. Ты поаккуратнее с ним – отчаянный душегуб.

Это сержант из конвоя догнал меня. Я поблагодарил его и спросил:

– Ты про всех знаешь?

– Нет, конечно. Только самых опасных. Должен же я знать, от кого чего ждать.

– Про меня тоже собрал сведения?

– Обязательно. Ты у нас считаешься самым непредсказуемым и опасным. И неуправляемым.

– Во как! А что же вы тогда якшаетесь со мной?

– Тут, во-первых, соображения безопасности – друга держи вблизи, врага ещё ближе. Да и ошибочно мнение о тебе. Ты очень предсказуем. Действуешь не по общеустановленным правилам, не по уставу, но вполне понятно, предсказуемо.

– В тебе психолог умер.

Сержант рассмеялся:

– Почему умер? Живёт, растёт и развивается. Это у меня работа.

– Значит, я уже не в списке опасных?

– На первом месте. Только угрожаешь ты не нам, а всем, кто вокруг тебя. Ты уже убил одного потенциального бойца, они будут мстить. Опять кровь и потери. Может, грохнуть тебя сейчас? Больше людей до фронта доведу.

Предлагает убить меня с улыбочкой на лице. Изверг! Кровавая гэбня! Пятсот-миллионов-невинно-убиенных!

– А смысл? Для чего эти упыри в законе на фронт идут? Они воевать будут? Не смеши мои валенки! Или ты довёл, а там и трава не расти?

Конвоир хмыкнул, развернулся, через плечо процедил:

– Ночью спи вполглаза. Эта порода очень подлая. А одно твоё присутствие им мешает больше, чем весь конвой. Одним фактом твоего существования. Или они тебя сегодня режут, или завтра будут резать за тебя.

Сержант ушёл. Вот это да! Сержант! Он просчитал всю подковёрную партию! Быстрее меня.

Ладно, будем поглядеть.

В гостях у «шурочки» (1942 г.)

Особенности ночёвки штрафников

Уже в сумерках снежный туннель дороги вывел к какой-то деревне. Политрук согнал нас на «обочину». Мы пропустили мимо себя крупнокалиберную батарею на механической тяге со всеми сопровождающими. Только после этого вошли в село, и политрук распределил нас по строениям, назначив старших. Я даже не удивился, оказавшись старшим над дюжиной штрафников.

Ввалились в ещё не остывшую избу. Хозяев не было, топили пушкари. Все попадали на застланный соломой земляной пол. Я подошёл к печи, открыл, заглянул. И стал пинками поднимать людей:

– Ты и ты – вычистить печь от золы! Вы трое – обеспечение дровами!

– Где мы их возьмём?

Я навис над спрашивающим. Совсем пацан. Не из сидельцев. Как попал сюда? Постучал ему пальцем в лоб:

– Что это у тебя такое? Там есть внутри чего или один сквозняк меж ушами? Напряги свою бестолковку. Приказ получил – исполняй! Найди, добудь, роди – мне пох! Пшёл! Остальные! Всю эту коллекцию блох на полу – на мороз. Натаскать свежей соломы – там стог недалеко стоит. Работаем!

Я пойду пожрать пробыю. К моему приходу не будет готово – жевать будет нечем!

Распределением сухая занимался политрук, выдавал один из конвоиров. Замёрзший до состояния камня хлеб, махра и заварка – насыпью. Каждый получал за себя. За группу получал только я и шнырь от лагерной «аристократии». Шнырь зло буравил меня взглядом. Получил своё, прижал к сердцу сокровище. Проходя мимо меня, прямо испепелял взглядом. Я не удержался от подобной провокации, резко дёрнулся в его сторону:

– Бу!

Он так резко отшатнулся в испуге, что сел задницей в снег, под всеобщее ржание. Политрук осуждающе покачал головой. Я тоже получил на свою избу, пошёл обратно. Чувствовал, как спину мне буравили злобные взгляды.

Избу было не узнать: пол переливался оттенками золота от душистой соломы в пляске огня в печи-голландке – пока таскали туда-сюда, хату выморозили. Ничего, прочищенная печь быстро прогреет, а проветривание только на пользу. Все замерли, не отрывая глаз от котомки.

– Есть сегодня будем хлеб с чаем. Хлеб морозовый, чай не заварен. Надо мухой найти тару под чай. Пока чаёк заварится, хлеб оттает.

Я разложил каменные буханки на печи. Поставили на огонь ведро с водой. Всё население избы расселось перед буханками, как перед телевизором, взгляд не отрывали. Я

вздохнул:

– Мужики, я отлучусь ненадолго. Никого не впускать, никого не отпускать. Если кто хлеб хоть тронет, порежу на ремни.

Я сбегал к конвоирам за своим мешком. Сержант, наклонившись, спросил:

– Помочь? Подстраховать?

– Не мешать. Чем быстрее этот нарыв прорвётся, тем лучше.

– Сегодня жди. Если сегодня не решатся, больше у них до самого фронта случая не будет. И Брасень это знает.

– Главарь их?

– Ага. В законе вор. Авторитетный.

– Зачем вызвался? Законным вроде как западло служить.

– То-то и оно. Глаз и глаз за таким.

– А Сивый?

– Сивый – ширма. Главарь – Брасень.

Я поблагодарил и поволок свой тяжеленный тюк в хату. Ночь. Темно. Если бы не снег под ногами, вообще ничего бы не было видно. А так я ещё на подходе заметил тень, достал ствол.

– Не стреляй, – раздался голос Ивана.

– Чего ты?

– К тебе пришёл. А они не пускают.

– Правильно делают. С чем пришёл?

– Тебя ночью убивать будут.

– Пытаться. Ключевое слово «пытаться» ты забыл. Я уже сам докумекал. Тебе-то что с этого?

– Я отказался участвовать. Меня пайки лишили и из избы выставили.

– А, обиженный и оскорблённый. Понятно.

– Ничего тебе не понятно, – Иван вдруг разозлился, но взял себя в руки, умолк.

– Ладно, казачок. А ты не засланный казачок, а? Во сне меня ножичком... Я слышал, ножи ты любишь.

– Да пошёл ты! – Иван развернулся и похрустел снегом от меня.

– Постой. Ладно, не психуй. И чего ты такой нервный? Спокойнее надо. От этого все твои беды. Надо учиться контролировать свои эмоции. Умел бы – не попался бы. Месть – блюдо, которое подают холодным. Пошли в дом. Не та погода, чтобы разговоры разговаривать.

Как только подошли к двери, она открылась – слушали, получается. Зашёл, скинул тюк, оглядел людей, печь с хлебом, только потом убрал браунинг в карман. В ведро засыпал заварки – пусть варится, будет казаться, что чай крепче, нарезал хлеб на равные куски, на каждый положил по тонкому слою сала под общие вздохи и шлепки падающей на пол слюны, по жребью распределили. С отсутствующими глазами народ основательно пережёвывал ужин.

– Курить в хате запрещаю – сгорим на хрен! Курить на улице. И ещё. Сегодня упыри лагерные меня резать придут.

Как начнётся карусель, всем щемиться в тот угол. А то попадёте под раздачу. Всё понятно?

Они начали дружно меня убеждать, что за меня любому глотку порвут, но я быстро осадил их:

– Вы мне только мешать будете. Сидите в углу и сопите в две дырочки. Я сам с этими пародиями на людей управлюсь.

Ага, мне бы эту напускную уверенность да внутрь. Пальцы холодеют, сердце замирает. В темноте скинул полушубок – изба уже хорошо протопилась – и поверх ватника надел «доспех» – пусть пробуют прорезать. Вместо шапки надел связанный матерью Кадета из светлой шерсти подшлемник – привычную для людей моего поколения вязаную шапку. Моя только была как у омовцев – с маской и прорезями для глаз и рта, закрывала всю голову целиком.

– Чего ты, Вань? – спросил я подползшего по соломе Ивана.

– Это правда, что про вас рассказывают?

– Про кого про нас?

– А как ваше имя?

– «И имя им – легион». Это ты меня, что ли, на «вы»? Вот уж зря. Ты не смотри, что рожа в шрамах и щетина седая. Это я пережил больше положенного. Я не старше тебя. А тому, что люди балакают, не верь.

– Ты танки взрывал?

– Взрывал. Да танк взорвать не сложно. Сложно после этого живым остаться.

– А самолёты?

– Один. Случайно. Уж очень он наглый был. Прямо так и просил себе в брюхо пулемётный диск. Не удержался. Прописал ему лекарство от наглости.

– Помогло?

– Аллергия у него на свинец оказалась. Пациента спасти не удалось.

– Говорят, ты немцу лицо обглодал.

– Блин, да что же это такое? Спи на хрен! Да, я немцев пачками на обед и ужин ел! Самолёты сбивал мощной струёй мочи, а танки жёг выхлопными газами после горохового супа. Мощным пердежом заодно удушил полк пехоты. Не было ничего. Спи!

Иван замолк, обиделся. Его проблемы.

Я думал, от нервяка не усну. Как же! Срубился сразу.

Разбудил меня грохот пустого ведра, выставленного у двери, и мат.

– Вали его, суку!

Я сразу оказался на ногах, в затылке опять зажгло – накатила волна адреналина и «ярости». Два шага разбега, и я встретил первого гостя прямым ударом ноги в живот. Я совсем забыл – валенки ни разу не сапоги. И хотя гостя снесло из дверей как пушкой, я тут же понял, что мой любимый бой ногами не выйдет. Справа встал Иван, слева ещё кто-то. В руке Ивана блеснул нож.

– Никого не мочить! – рявкнул я.

Иван завис ненадолго, но нож убрал.

Ночные визитёры, наконец, разобрались с препятствием в двери и полезли. Я заревел, как раненный в пах бык, и кинулся на них. Одному в челюсть левым локтем, другому в нос кулаком, боднул лбом в лицо третьего и оказался на улице, закрыв своим телом дверь в избу. Я очень высоко оценил готовность ребят пострадать за меня, но у меня «ярость берсерка» и «доспех», а у них – ничего. В этой драке им делать нечего. А вот я изрядно отвёл душу!

Через несколько минут на ногах стояли только я и Брасень с заточкой в руке и явным сомнением на лице. Все его подручные были вооружены ножами, шилами и другими колюще-режущими предметами. Это им не помогло. Я повырубал всех.

– Что, Брасень, ссышь, когда страшно?

Он зарычал и кинулся. Я увернулся, ударил, не попал, увернулся, опять не попал, заточка ударила меня в корпус справа – ага, в печень целил. А вот тебе сюрприз! Брасень на мгновение оцепенел от удивления, что заточка не вошла в тело, а застряла, и тут же схлопотал локтём в лицо.

Я присел рядом с ним, приставил его же заточку к правому веку.

– Что же делать мне с тобой, упырь?

Брасень молчал.

– В одном прайде не может быть двух альфа-самцов. Один из нас должен уйти. А из штрафроты уходят только вперёд

ногами.

– Ну, так давай, чего ты ждёшь?!

– Скажи мне, вор, зачем ты на фронт пришёл? Поперёк закона пошёл. Тебя теперь раскоронуют. Станешь ты обычным мужиком. Не обидно?

– Не твоё дело, красножопый! Не поймёшь ты.

– А ты попробуй. Или ты к «цивилизованным» немцам решил переметнуться?

– Нет! Пусть я вор, но к немцам мне дороги нет.

– Слова, достойные мужчины. Но это не снимает повестки дня. Ты или я.

– Тут уже и так понятно. Чего медлишь? Давай, красный!

– Не красный я, а русский. Про воровские замашки свои забудь, тогда сделаю тебя человеком. Ты теперь не вор в законе, а обычный боец переменного состава штрафной роты. Согласен с этим?

– Да!

– Живи. Пока.

Я встал, схватил тщедушного Брасеня за воротник, поставил на ноги, бросил ему под ноги заточку.

– Собирай бойцов, пока не простыли.

Я повернулся к нему спиной и пошёл. Вот главное испытание! Кинется – удавлю! Не кинулся.

Я зашёл в избу. Створка печи открыта, все стоят, в глазах блещет огонь.

– Падаль из избы убрать. Всем спать. И ещё: благодарю за

поддержку!

Бессознательных подручных Брасеня вышвырнули за порог. Один боец подкинул дров в печку, все улеглись на солону.

– Товарищ Кузьмин, можно вопрос?

– Можно Машку за ляжку и козу на возу. Мы в армии, а в армии только «разрешите».

– Разрешите вопрос?

– Задавай.

– Почему вы их не убили?

– Это было бы безвозвратно, да и слишком просто. А слишком простые пути приводят всегда и однозначно в одно только место...

– Куда? – не дождавшись окончания предложения, спросил тот же. А, я его вспомнил – ему пальцем в лоб тыкал.

– В жопу. Или в могилу. И ты туда попадёшь, если не научишься своей бестолковкой действовать так, как надо, и продолжишь задавать дебилные вопросы. Спать всем! Самое ценное, что есть на войне – сон. Не упускайте возможности.

Утро было до тошноты жизнерадостным. Нас ещё засветло взашей вытолкали из хат очередные пушкарки. Мы отбрехались и позавтракали в тепле.

Во дворе стояла накрытая белым полотном гаубица. Какая именно – непонятно, но не маленькая. Похоже, это тенден-

ция. Командование отводит из Москвы тяжёлое вооружение, но гонит нас. Ага, значит, мы будем сковывать врага, а удар нанесут по флангам. Нормально. Порадовали меры маскировки и дезинформации. Что увидит воздушная разведка – к Москве идёт пехота, в сёлах стоит техника. Главное, чтобы они свою технику из московского капкана не вывели.

Опять идём, хрустя снегом. Мороз стоит, хотя солнышко начало пригревать. Нас иногда обгоняли полуторки. Настроение начало подниматься. Особенно порадовала морда сержанта КВ НКВД, когда он пересчитал конвоируемых, не нашёл убыли, а увидел разбитые лица зеков.

Под настроение попал ещё и политрук:

– Рота! Запе-е-вай!

Запевай так запевай! «Рота, рассвет, третьи сутки в пути»:

Третьи сутки в пути.
Ветер, камни, дожди,
Всё вперёд и вперёд
Рота прёт наша, прёт.

Третьи сутки в пути,
Слышь, браток, не грусти!
Ведь приказ, есть приказ,
Знает каждый из нас.

Напишите письмецо,
Нет его дороже для бойцов,

Напишите пару слов
Вы, девчата, для своих пацанов.

И на закате вперёд
Уходит рота солдат,
Уходит, чтоб победить
И чтобы не умирать.

Ты дай им там прикурить,
Товарищ старший сержант,
Я верю в душу твою,
Солдат, солдат, солдат.

Третьи сутки в пути,
Ветер, камни, дожди.
На рассвете нам в бой.
День начнётся стрельбой.

Третьи сутки в пути.
Кто бы знал, что нас ждёт!
Третьи сутки в пути,
И рассвет настаёт.

Напишите письмецо,
Как живёт там наш родимый дом,
Из далёка-далека
Принесут его мне облака.

И на закате вперёд

Уходит рота солдат.
Уходит, чтоб победить
И чтобы не умирать.

Ты дай им там прикурить,
Товарищ старший сержант,
Я верю в душу твою,
Солдат, солдат, солдат.

Падала земля, с неба падала земля!
Разрывая крик в небе: «Подла ты, война!»
Плавилась броня, захлебнулся автомат,
Заглянул в глаза ты смерти, гвардии сержант!

И на закате вперёд
Уходит рота солдат,
Уходит, чтоб победить
И чтобы не умирать.

Ты дай им там прикурить,
Товарищ старший сержант,
Я верю в душу твою,
Солдат, солдат, солдат!

Народ проняло. Потребовали повтора. Второй раз пела уже вся колонна. В этот день я пел как никогда много. Достигнутый результат по психомоделированию надо было закрепить. Спел почти весь свой репертуар извлечённых из вы-

мученной памяти и адаптированных песен. Оказалось, помнил я много. И «Любэ», «Кино», песен из советских военных фильмов, песен времён этой войны, уже написанных и ещё нет. Люди не замечали, что пока они пели, они менялись. Это вам не про Мурку петь. Они изменятся. Из человекообразного материала людьми станут. Одними песнями, конечно, этого не достичь, но и без нужных песен тоже не обойтись. Пусть сержант ГБ офигевает.

Справа от меня шёл Иван – Казачок, слева, так же, как и ночью, Кот. Сейчас, при свете дня, я его рассмотрел получше: невысокий смуглявый крепыш, резкий, как понос, подвижный, как капля ртути, плавный в движениях, с довольной, хитрой ухмылочкой на лице, цепкими внимательными глазами. Представился как Кот. Погоняло ему шло на все сто пудов. Осталось понять, чего это эти двое, и близко не подлизы, ни грамма не подхалимы, не приспособленцы, притёрлись ко мне. Сильные характером ребята добровольно прыгнули в мою обойму. Подозрительно. А может, я просто параноик?

Так, с песнями, в приподнятом расположении духа, отмахали больше планируемого. К вечеру вышли к пригородам столицы. Многие впервые услышали канонаду. Да и я от неё отвык.

Находясь в боях, не замечал, в тылу не замечал, а сейчас почувствовал, как сущность моя сама переходит в какой-то другой режим работы от звуков войны. Затянулись

все ослабленные винты, гайки, всё тело поднапряглось, напружинилось. Я даже заметил, что смотреть и видеть всё стал иначе. Если бы это произошло не так быстро, и не заметил бы изменений, произошедших со мной.

Кстати, подобный режим включился очень вовремя:

– Ложись! – заорал я и рухнул, где стоял.

Люди недоумённо уставились на меня, но тут многие услышали этот шелест, попадали. Рвануло! Да так, что снегом меня обсыпало. Я приподнялся, прислушался, встал. Народ в ужасе.

– Ни фиги себе перелёт! – громко удивился я. – Что же это у них – хороших наводчиков больше не осталось? Если они так метко и дальше будут стрелять, к следующей зиме к Одеру выйдем.

Мой ура-позитив подбодрил народ. Политрук построил всех обратно, погнал в город.

Руины столицы (1942 г.) В роли жертвенного барашка

Ротного видел только издалека, когда он толкал речь про необходимость освобождения столицы от врага. Речь была незажигательной, какой-то шаблонной, картонной. Видно, и для самого ротного она была частью ритуала, обязательной, нудной частью программы. И это мне не понравилось.

Потом нас вели руинами, подземными переходами, по темноте. Сержант со своими конвоирами остались там, пойдут за следующей партией «мяса». Конечно, покормить нас «забыли».

Взбесил меня старшина штрафной роты, наглый жирный тип, не скрывавший презрения к нам, выдал мне винтовку с расщеплённым прикладом и выгнутым стволом.

– Ты что делаешь, старшина? Как я из неё стрелять буду?

Он заржал, довольный:

– Как трое предыдущих стрелков! Сдохли раньше, чем выстрелили!

Я ему влепил смачную оплеуху, аж кровавые сопли из носа полетели. Хотел добавить с ноги – не дали, оттащили. Пригрозили расстрелом.

– Я тебя запомнил! – закричал старшина.

– Запомни, тварь! Хорошенько запомни! А забудешь, я

напомню!

Вот урод! Как я буду воевать? Штыка нет, ствол кривой, приклад разбит, всего десять патронов, не жрамши со вчерашнего утра, без сна всю ночь. Суки! Это не атака, это не в бой нас бросят, а на убой!

Сам себя мысленно схватил за химок, встряхнул. То же проделал с особо разоравшимися штрафниками. Они собрались вокруг, смотрят, ждут. Надо что-то сказать. А что? Как отец говорил: нечего сказать, говори правду.

– Я не понимаю, что происходит. Но утром пойдём в атаку. Победим – хорошо, нет – что ж теперь? Сделать этот бой я вам не смогу. Сегодня всем вам нужно сделать одно – выжить. Дожить до вечера. Помните: сдадитесь врагу – это смерть. Медленная и мучительная. От голода будете пухнуть долго. Побегите назад – положит вас заградотряд. Смерть глупая и бесполезная. Как бы страшно ни было – назад нельзя. А теперь мотайте на ус. Нам можно только вперёд. Но! Кто будет паровозом ломиться прямо, как по рельсам – сдохнет, не факт, что быстро и не мучительно, но гарантированно. Бежать нужно быстро, пригнувшись, не прямо вперёд, а по диагонали. Бежать не более пяти секунд. Когда бежишь, смотришь. Надо видеть и позиции врага, и землю под собой. Пока бежишь, высматриваешь укрытие. Пробежал пять секунд, упал, перекатился, минимум три раза, желательно в укрытие – кочка, камень, канава, тело твоего предшественника. Отдышался, вскочил и трассером бежишь следующие

пять секунд. Будете так наступать – выживете.

Я понимал, что они и половины не запомнят. А оставшаяся половина вылетит из головы, выбитая страхом, как только встанут навстречу трассерам пулемётов. Рты поразевают в беззвучном крике ужаса, выпучат стеклянные глаза и на деревянных, парализованных судорогой ногах пойдут на огонь. Не побегут – пойдут.

Слова тут бесполезны. Это надо пережить, прочувствовать, перебороть. Именно поэтому командование ценит обстрелянных солдат.

Нас привели во двор, образованный разрушенными домами. Я пристроился к стене, попытался уснуть. Не хотел видеть трясущихся соратников. А поспать нужно. Так и уснул. Это хорошо. Единственный минус – замёрз. Проснулся очень тяжело, трясло, как перед первым боем. Впрочем, как и остальных. Стал прыгать, приседать, чтобы согреться.

– Эх, кофейку бы горяченького!

– Иваныч, ну ты и зверь, – простучал зубами Иван, – меня всего выворачивает, как подумаю про утро сегодняшнее. А ты – спокойно дрыхнешь.

– Не ссы в компот, Ваня, там повар ноги моет. Чему быть, того не миновать. Если мне сегодня суждено оставить этот, далеко не лучший из миров, то хоть я в самую глубокую нору забьюсь, а до утра не дотяну. Не пуля, так паралич разобьёт. А если один хрен мой крайний день, так хоть покуражусь напоследок. Чего бояться? Страх, Ваня, убивает душу. Он

только мешает. Когда поборол страх, умрёшь один раз, не переборол – умираешь по несколько раз в день.

– Балабол, – пожал плечами Иван.

– Фаталист? – спросил меня Кот. Вот этому, казалось, всё по барабану. По хитрой кошачьей морде не поймёшь, что он испытывает. Это Ванино лицо как открытая книга. Кот всё время хитро прищурен, ехидно ухмыляется, отчего становится похожим не только на кота, но и на китайского болванчика.

– Не знаю, – ответил я ему.

– Сейчас выдвигаемся на рубеж атаки. По зелёной ракете дружно идём на штурм опорного пункта врага. Если навалимся все враз, одолеем! Кто откажется идти в атаку или побежит – расстрел на месте, – кричал невидимый мне отсюда ротный.

Хороший план. Главное, современный. Как раз в стиле Суворова и боёв с турками. Все враз и в штыки! Классика. Хотя, может, повезёт, и получится?

Выступили. Небольшими ручейками человеческий поток роты двинулся на северо-запад. Шли недолго. Скопились за остатками стен и горами битого кирпича. Это была передовая. Кое-где продолблены окопы. Я обошёл всех людей, напялил опять свою шапку-маску из светлой шерсти вместо ушанки, подобрался к обвалившейся стене, выглянул.

Впереди метров триста относительно открытого пространства, а за ним – квартал города. Видимо, немцы артил-

лерией раздолбили здесь, обеспечивая простреливаемость ничейной полосы. Хотя на нейтралке достаточно укрытий – горы битого кирпича в местах, где были дома, воронки метров по шесть в диаметре, огрызки деревьев, кое-где уцелевшие надолбы. Точно посередине стоял зелёный здоровый танк, башня со звездой повернута на корму, на нас. И всё это густо усыпано небольшими холмиками габаритов человеческого тела. Какие из них зеленели ватниками, какие серели шинелями нашими и немецкими, какие были накрыты саваном снега.

– Что там, Иваныч?

– Кладбище не захороненного пушечного мяса. – Я спустился, стал расстёгивать полушубок. – Слушайте меня и делайте так, как я сказал, если хотите жить. Нейтралка перед нами не бильярдный стол. Укрытий и ложбинок там море. Перекатами и перебежками от укрытия к укрытию вполне можно дойти до позиций врага. А там – «прикладом бей, штыком коли». Вполне реально. В полный рост не бегать. Открытое место пролетать безумным кроликом. И так же ямками и канавами укрываться. Пока танк не пройдем, стрелять бесполезно, только огонь на себя вызовете. Вот и вся хитрость. Ну, с Богом!

Я развязал свой мешок, достал оттуда костюм из белого парашютного шёлка, надел штаны, накидку, бреник, уже обшитый снаружи лоскутами белого парашютного шёлка, полушубок и ушанку свернул и запихал в мешок, шёлковый

чехол на каску сунул в карман – каски мне не выдали. Мешок завязал, толстой крепкой верёвкой обвязал, другой конец верёвки привязал сзади к поясу.

Бойцы вокруг с интересом наблюдали за моим перевоплощением.

– Мешок с собой возьмешь? – спросил Иван.

– Конечно. Сюда я уже не вернусь. У нас, дорогой ты мой казак, опора и надёжа державы, только одна дорога – на позиции врага. Назад мы не ходим.

– Осилим?

– У нас есть выбор?

– Не по-людски с нами поступают, – просипел простуженный голос справа, – как скот на убой гонят. Что, штрафники – значит, не люди?

– Там, ребята, впереди враг. У него пулемёты, миномёты. Но там впереди – столица! Мужики, это же Москва! Как вы не поймёте, немец в Москве! Нас привели сюда, дали оружие, показали врага. Как его убить – уже нам изворачиваться. А вы как думали, вам немцев голых и безоружных подведут? Нет, ребята. Так не бывает. Всегда так: он там, там пулемёты, пушки, танки, миномёты. А нам надо его одолеть. И не важно, штрафник ты, махра рядовая или мазута за скорлупой – всем идти через огонь. Всем и всегда – через огонь. По-другому не бывает.

Бойцы притихли. Я увидел ротного и политрука. Оба, с ППШ за плечами, шли, переговариваясь. Двое с большими

термосами семенили следом. К ним потянулась очередь с кружками, котелками, крышками котелков. Спирт! Я пить не стал, свои сто грамм налил во фляжку, закрыл, повесил на пояс. А люди пили. И правильно – немного отпустит. Своерачиваемость крови не важна, когда от страха руки-ноги судорогой сводит.

Ротный заряжал ракетницу. Началось!

– И ещё, братья, если вдруг окажетесь на зелёной лужайке, не пугайтесь и идите на свет. Вы уже мертвы, вы уже в раю. Мы все уже давно мертвы, осталось только несколько фрицев загнать на пару метров под асфальт. Смертники, вернём долг Отечеству!

Я встал, поправил обмундирование, чтобы ничего не тёрло, не мешало. Рот внезапно пересох, сердце бешено колотилось в горле. Краем глаза я смотрел на ротного. Когда он поднял руку с ракетницей и начал разевать рот, я побежал вперёд, зажав свой мешок левой рукой.

Пусть думают, что я безумец. Или отчаянный храбрец. Мной же руководил точный расчёт. Пока немецкие пулемётчики меня, всего белого, заметят, пока наведут стволы, пока потупят, сколько я успею пробежать на пятой скорости в полный рост? А у немцев ещё есть такой подлый приём – они в первую волну наступающих не стреляют, заманивая. Долбят вторую волну, укладывают таким образом всех мордами в снег и добивают миномётами и на отходе. Воспользуемся их шаблонностью.

Над моей головой просвистели снаряды, разорвались на стороне немцев. Ого! У нас артподготовка даже есть! Правда, следующая партия снарядов не разорвалась. И две следующие. Только чад поднимался. Дымовые! Зер гуд!

Я уже начал задыхаться, когда вокруг меня засвистели пули. Стреляли сзади! Вот суки! Одна пуля ударила в броник. Кубарем ушёл влево, мешок из рук выпустил, дальше бежал уже заячьими петлями и перекатами. Мешок хвостом волочился сзади на верёвке.

Ожил танк. Из башни и из-под днища засверкали вспышки пулемётных очередей. Хорошо, не в меня. Вот почему башня была отвёрнута – там немцы засели. Ну, что ж, разумно. Мы тоже так делали.

Упав в очередной раз, перекатился в воронку, подобрал заиндевевшую каску. Сев на дно воронки, огляделся. Я пробежал метров сто, штрафники сильно отстали. Ломаной цепью баранов пёрли напролом. Лишь несколько человек, подобно мне, зайчатили. Пулемёты собирали свой кровавый урожай.

Быстро постучав каской о кирпич, выбил сор, напялил белый чехол, затянул, надел на голову поверх подшлемника, затянул под подбородком. Вышвырнул мешок, выкатился следом сам, вскочил, побежал, волоча винтовку за ремень по земле. Всё одно она балласт. Чемодан без ручки – и толку нет, и выбросить нельзя.

Я уже сравнялся с танком, пробежал две трети нейтралки,

только танк был по правую руку. Мне казалось, что я уже полчаса бегу, но я знал, что это иллюзия. Лишь несколько минут. И тут ожили немецкие позиции. Загремели «сенокосилки» МГ-34, захлопали миномёты. И по мне тоже. Нырнул в небольшую воронку, вжался в самый низ. Пули рвали мёрзлую землю вокруг, пара близких разрывов швырнула на меня комья земли и битый кирпич.

Оглянулся. Рота залегла. А вот почему немец «заговорил» – первые метров восемьдесят рота наступала в низинке, видимая только из танка. Но тут у них уже всё давно пристреляно. Рота подавлена быстро и надёжно. Всё, наступления не будет. Цепь пыталась подняться пару раз, но люди тут же скашивались пулемётами, как косой. Прямо в цепи рвались мины. Хреново!

Танк был совсем рядом со мной. Я даже слышал крики на немецком сквозь грохот пулемётов. Станный танк. Здоровый! Длинный, трёхбашенный. Верхняя большая башня с короткой пушкой-окурком развернута назад и поливает огнём залёгшую роту. Две маленьких пулемётных башни могли стрелять только вперёд, поэтому молчали. Хорошо хоть из пушки не долбит. Под танком и перед ним, точнее, за его кормой, вырыты окопы, мелькают побеленные малярной кистью каски немцев. Откинулся верхний люк, высунулась голова в фуражке и женском пуховом платке. Он оглядел залёгшую роту, поднёс к лицу трубку и начал кричать туда. Корректировщик!

У меня скулы свело судорогой от злости. Старшина,
...! У меня такая позиция! Если бы была нормальная винтовка! Пистолетом тут не возьмёшь. Вернусь, порву! Из-за этого раздолбая сейчас народ из миномётов порвут!

Вокруг меня опять начали рассерженными шмелями пролетать пули, звонко вонзаясь в землю. Что это вдруг? Я же не светился. Кот! Ящерицей, из ямы в яму, от кочки к кучке, пробирался сюда. Бросал на меня быстрые взгляды. Явно ко мне собрался. Э-э, дорогой, тут мы вдвоём не уместимся!

Неподалёку была отличная позиция – огромная, глубокая воронка, почти накрытая корнями вывороченного старого толстого тополя. Как я её сразу не увидел? Я вышвырнул мешок повыше в сторону танка, сам метнулся к воронке, кубарем прокатившись по открытому месту, нырнул в корни. Через несколько секунд рядом на пузе съехал Кот.

– Ты что припёрся?

– Я думал, ты к немцам сбёг! – он задыхался, но глаза сияли. Сияние глаз кота – зрелище необычное.

– Кот, тебя мама в детстве на бетонный пол головой не роняла?

Он отрицательно покрутил головой, глубоко дыша, чуть перекатился глубже. Я подтянул за верёвку мешок. Обидно – мешок был несколько раз пробит пулями. Полушубок жалко.

– Постой-ка, а я-то всё думаю, приставят за мной надзирателя или нет? И кого? А вот и надзиратель!

Кот попытался откатиться, но я был быстрее. Ох, и лов-

кий парень! Из четырёх моих ударов только один прошёл, и то – вскользь. Я воспользовался своим преимуществом в весе и габаритах, зажал его, как медведь нашкодившего котёнка. Надломил, придушил, добивать не стал. Полузадушенный Кот смотрел на меня отчаянно-яростными глазами, но не мог ни пошевелиться, ни вздохнуть.

– Так это ты мне в спину стрелял, кошка драная! Что же вы дебилы такие! Не пойду я к немцу живым! Смотри!

Я отпустил его, поднял руку и показал потайной карман с Ф-1.

– Видишь, гранату эту не достать. Чеку сдёрнуть – немцам от меня только набор для холодца достанется. Не дамся я им живым, что вы не поймёте никак! Одна у меня Родина! Одна! И она не продаётся!

Кот, вцепившись в своё горло обеими руками, скрючившись, кашлял.

– Как вы достали, чекисты грёбанные! Чурбаны стоеросовые. Вроде нормальные мужики, но временами – кретины! Сиди здесь и носа не высывай. Лёжку засветишь – мину за шиворот получишь.

Я забрал его винтовку, отряхнул, открыл затвор, дунул, протёр, дослал патрон. Чуть высунулся в нашу сторону, выбрал кочку шагах в тридцати, прицелился, выстрелил. Попал! Нормально.

– Сиди тише мыши! – ещё раз сказал я ему, выкатился из воронки на свою прежнюю позицию. Отсюда было хоро-

шо всё видно. Распластанные по земле цепи роты, терзаемые миномётами и пулемётами, не подавали признаков жизни. Люк на башне тоже был закрыт. Каски немцев уже не мелькали вокруг танка, а уже уверенно торчали над щебнем. Зубоскалят. Унял сильное желание стрелять в эти скалящиеся морды. Надо ждать этого пидорга в платке и фуражке.

Поелозив, устроился поудобнее. Приготовился ждать.

– У-у-а-а-а! – прокатилось по полю боя. Охренеть! Они опять в атаку собрались!

А вот и немец. Выскочил из танка, как чёртик из табакерки. А я тебя уже жду! Пуля расколола трубку телефона, расплескала мозги, фуражка подлетела и упала за танк. Время для меня замерло. Четыре патрона в магазине. Меньше ста метров. Мосинка – очень точное оружие. Стеновая стрельба. Биатлон. Четыре патрона в магазине – четыре дырки в белённых известью касках. Всё! Перезарядить не успею. Бежать!

Когда я свалился на дно воронки под ствол тополя, Кот смотрел на меня огромными глазами.

– Что?

Он кивнул подбородком на меня. Я осмотрел себя – мама родная! На моей одежде места живого нет: масккостюм изорван, клочья ваты торчат из прорех, бронепластины чернеют через брезент, как ножом рассеченный. Сам не веря, ощупал себя. Только царапины. Выдохнул облегчённо.

– Тьфу на тебя, кошка драная, напугал. Иди, дежурь! По-

смаатривай, но не высовывайся! Они нас попробуют минами накрыть, а потом группу выслать.

– Откуда ты знаешь?

– Я бы так сделал. Ты хвост далеко не высовывай – оторвёт.

И правда, вокруг завывало, стали рваться мины. Страшно, мля! Мина – подлая штука: падает отвесно, осколков даёт море! Одним утешал себя – пока по мне долбят, по ребятам не могут.

Налёт был не долгим, но яростным. Мы остались живы лишь благодаря тополию – под ним укрылись. Выглянули оба – лунный пейзаж вокруг. В воронке, откуда я стрелял по танку, не менее трёх новых кратеров. Кот толкнул меня, что-то сказал, но уши как ватой забиты. Посмотрел, куда он указывал. Тополь был изжён капитально. Похоже, одна из мин рванула прямо над нашими головами.

А это что за явление Христа народу? По нейтралке брёл, спотыкаясь, набычившийся огромный красноармеец. Глаза его были зажмурены, кулаки сжаты, губы закусены. Оружия нет, а прёт упрямо, как бульдозер. Пули у его ног выбивали комки льда, поднимали фонтанчики снега, а он шёл и шёл.

Мы оба, и я, и Кот, в оцепенении смотрели на этого контуженого. Вокруг него проносились сотни пуль, тысячи осколков – а на нём ни царапины!

– Кот, достань его! Не надо на меня так смотреть, я тебе в спину не стрелял. Откупайся! Достань его! Вон в ту яму

его вали!

Кот побледнел, зажмурился, задышал глубоко и часто, как перед прыжком в воду.

– Стоять! Я передумал! – я хлопнул его по плечу, осаживая его на дно воронки, а сам выкатился наверх, реактивной торпедой полетел на этого быка, приёмом из американского футбола снёс его с ног и вместе с ним оказался как раз в той самой яме.

Как ни удивительно, я опять был жив и относительно цел. Даже фляжка уцелела. Бык не подавал признаков жизни – сильно я его приложил. Разжал ему рот, влил туда спирта. Ребёнок! Теперь стало видно, что этот здоровяк совсем юн – бритва ещё ни разу не скоблила детский пушок под носом. Парень закашлялся, задыхаясь.

– Что?

– Мне нельзя! – прокашлял он.

– Что нельзя?

– Пить нельзя спиртного!

– Не пей! Тебя как звать?

– Прохор я. Бугаёв.

В натуре бык. Бугай.

– Ты куда шёл-то, Прохор?

– Туда. Сказали идти, я и шёл.

– А оружие твоё где?

– Мне нельзя.

– Чего нельзя?

– Оружие в руки брать. Бог запретил.

– А помирать не запретил?

Парень смотрел на меня глазами праведника, встретившего блудницу.

– Нет, Прохор, ты не бык. Ты – тюлень! Или олень! Придурок! Долбоёж! Кто тебя научил так Бога-то понимать? Секта самоубийцы пятого дня Иеговы?

Конечно, я не удостоился ответа.

– Ну, дошёл бы ты до немцев, что бы дальше делал? Убивать их стал бы?

Он отшатнулся, как от прокажённого. Мля, хоть плачь! Что за день-то такой! Долбоёж на долбоёже!

– Смотри, – я достал, показал ему свой крест. – Мне Бог сказал, что я должен бороться с демонами и бесами в тех окопах. И жизнь мою он уже не раз здесь удерживал, от неминуемой смерти спасал...

Парень усмехнулся.

– Да кто же тебе так набекрень мозги поставил? Толстовцы? Буддисты? Какие ушлёпки это замутили? Непротивление злу? Клуб предателей-самоубийц, гля!

Я схватил его за голову, заглянул прямо в глаза, легко соскочил в «ярость», попытался повлиять на его волю. Парень не сопротивлялся, я весь растворился в его глазах, он принял меня, его сознание, молодое, податливое, не отторгало моего агрессивного сознания.

– Ты веришь мне? – спросил я его нужным голосом.

– Да, – спокойно ответил он.

– Они враги. Ты веришь мне? Их надо убивать!

Он оттолкнул меня. Контакт оборвался. Не вышло. Слишком крепко в нём сидела эта установка. Не сломать. В принципе, сломать можно, но я сломаю и этого парня. Я овладел лишь азами этого умения, не справиться.

– Что же делать-то с тобой, телёнок? Ты откуда родом?

Он назвал. Поняв, что мне это ничего не сказало, добавил, что это в Сибири.

– А, мамин сибиряк. И годов тебе сколько?

– Восемнадцать.

– А если честно?

– Шестнадцать.

– А совсем честно, как перед исповедником?

– Пятнадцать будет в мае.

– Охренеть! Чем же тебя, телёнка, кормили, что ты так вымахал? Почему в армии оказался? Призыву не подлежишь, добровольцами с такими моральными установками не идут.

– Брата старшего призвали. А у него семеро по лавкам. Отец занемог, слёг, мать старая уже. Отец мне и сказал: «Иди, мри!» Я оружие брать отказывался. Меня расстреляли, я не умер. Сюда прислали.

Гля, хоть плачь! Как побеждать-то с таким народом? Жукова упрекать будут за большие потери, а они на войну идут не для победы, не защищать, а умирать! На пулемёты даже не с кулаками, а вообще ни с чем! Как? Что бы он там с нем-

цами делал? В дёсны целовал?

– Что умеешь?

– Читать, писать, считать, трактор водить и чинить, моторы разные, за скотиной ухаживать, лечить.

– Как лечить?

– Вот так, – он положил мне руки не предплечье, где пуля оставила царапину и... заживил.

Вот тут я конкретно выпал в осадок. Рот разинул, как дурачок, и сел на задницу.

– Если я отниму хоть одну душу, Боженька заберёт мой дар.

Решение пришло мгновенно. Конечно, какое ещё может ещё решение – он же санинструктор! Зачем ему оружие? Мы все его беречь будем как зеницу ока.

– А как же тебя расстреляли? Ты себя излечил?

– Нет, матушка заговорила. Не возьмёт меня ни хладный металл, ни огненный.

– Поэтому по тебе не попадали?

Он пожал плечами. И как мне быть? Что это – магия? Промысел Божий? А моя «ярость»? Что это? Адреналиновый взрыв или дар? Со стороны тоже магией выглядит. И это внушение, которым я почти не владею, но оно же есть!

– Слушай, Прохор. Не надо тебе туда идти. Не нужны тебе немцы. Там, на поле, братья наши гибнут, кровью истекают. Раненым надо помочь, с поля боя вынести. Вот тебе что нужно делать, Прохор. Ты меня понимаешь?

– А ты и есть тот самый Медведь, о котором все говорят?

– Не верь никому, Прохор. Я Кузьмин Виктор Иванович. После боя я тебя найду. Иди, Божье дитя, иди. Отнимать жизнь и стоять насмерть – мой удел, не твой.

Он положил мне одну руку на лоб, другую на затылок, задумался-прислушался, кивнул, встал. А голова моя болеть перестала.

– Спасибо тебе, Прохор.

– Вам спасибо, Виктор Иванович.

И он пошёл. Спокойно, как по парку, а не по перепаханной и пропитанной кровью нейтралке. Бессильные пули злобно проносились мимо него. Я ещё минуту сидел в прострации, пока взгляд мой не упал на клубок синих шлангов. Что за шланги? Откуда? Ё-ё-о! Это же кишки. Переход между чем-то возвышенным, чем веяло от Прохора, в самую помойку войны был так резок, что меня чуть не вырвало. Если бы не пустой со вчерашнего вечера желудок – вырвало бы.

Потом я увидел, что нижняя часть этого тела была вне воронки. И это тело было обуто в подкованные сапоги с короткими голенищами (ага! это немец!), а за голенищем торчала «колотушка». Граната! Тут же горы трупов! У всех же, до перехода в состояние льда, было оружие, боеприпасы, хавчик! Нет! Хавчик – нет! Тихо-тихо, упокойся, требуха! Не буду я у них еду искать. А вот оружие найти надо!

Пока доставал гранату и шарил по обледеневшим карманам, чуть не пристрелили. Зато нашёл зажигалку и портси-

гар. Понюхал сигареты – табаком пахнут, не трупом. С удовольствием покурил, лёжа на спине в яме. Пока курил, пулемётчик нашёл более интересные мишени, и я перебрался к Коту, под тополь.

Кот как завис, так и тормозил. То есть был в полной про-
страции. Глоток спирта и сигарета немного привели его в
чувство.

– Ты чего такой потерянный, Кошара?

– Как вы это делаете?

– Что именно?

– Всё это... Вас должны были убить сто раз, а вы – вот...

Я пожал плечами, выглянул.

– Кот, ты смотри, по нашу душу охотники ползут. Вовре-
мя я гранату нашёл.

– Может, мёртвыми притворимся?

– В ножи их хочешь взять? Это вряд ли. Они сначала гра-
нату кидают, а потом спрашивают, есть ли кто живой.

Кот промолчал.

– Слышь, Кошкодральник, ты хорошо стреляешь?

– Угу.

– Не угу, а так точно. Отползаем туда. Я кидаю гранату, ты
достреливаешь выживших. Потом ныряем опять под корень.
Я думаю, мы их сильно разозлим. А когда они злятся, они
мины раскидывают очень щедро. Я понятно объясняю?

– Так точно.

– Давай!

Граната легла точно меж двумя ползущими немцами. Один её схватил, хотел отбросить, но я-то кидал с задержкой. Граната взорвалась у него в руке. Тут же бухнул над ухом Кот. И ещё. Я уже змеёй полз в воронку, под корень. Следом вполз Кот. Оба постарались как можно компактнее разместить руки-ноги.

Продолбили нас в этот раз основательно. Долго, упорно и нудно. Страшно, аж кипяток подкатывал к выходу. Держал руками, чтобы не опозориться.

– Кот, погляди – я живой? – сказал я, когда взрываться перестало, но сам себя не слышал. Кот смотрел в одну точку мёртвыми глазами. Убило? Нет, живой, дышит. Контужен.

Всё, лимит везения на сегодня исчерпан, сидим, не отсвечиваем. Меня и самого контузило нехило. Спасибо тополю, опять спас нас. А ведь терпеть не мог этого дерева, тополя бесполезным считал.

Сколько времени мы так провалялись без движения, кто его знает? У Кота часов не было, у меня тоже. Мне на часы не везёт – больше одного боя не живут. Наружу не выглядывали, по интенсивности стрельбы не догадаешься – оглохли напрочь. Кстати, а как это они нас так лихо молотили менее чем в сотне метров от своих? Не боялись зацепить позиции у захваченного у нас танка?

Правду говорят, любопытство погубит. Последний этот вопрос мучил меня, мучил, да и вылез я оглядеться. А снаружи уже темно. Я подумал, что это у меня в глазах потем-

нело, а потом увидел всполох осветительной ракеты и бегущие от неё в безумии изломанные тени. Ночь! Уже ночь! Мы с Котом или спали, или в отключке проваливались. А Кот хоть живой? Почти. Дал ему волшебной мёртвой воды – спирта. Чуть оклемался. И как заорёт! Я навалился на него, рот ему закрыл, показал прижатый к губам палец. Контузило парня. Сурдопереводом, то есть жестами приказал ему сидеть здесь, сам пополз по лунному пейзажу в сторону танка. Мой вымазанный, изорванный маскхалат меня неплохо скрывал, тем более что шёл лёгкий снежок.

Ага, сволочи! Своих зацепили! Или это наши? Вокруг танка был такой же лунный вид. Немцев не видать. Есть! Верхний люк выгнут, закрыт не плотно, дым оттуда сочится, а сквозь смотровые щели свет изнутри пробивается. В танке, получается, немцы есть. А вокруг? А вокруг – тишина. Или это только для меня тишина? Нет, снег и щебень под моими руками скрипят, значит, я слышу!

Видимо, нас с Котом враг принял за прорыв, за передовой отряд, вот и промолотили так основательно, накрыв даже танк. Хотя что ему, толстокожему, мины сделают? Поцарапают? Гусянка у него и так по земле раскатана.

Падал снежок, морозило, немцы попрятались. Или нет? Говорят, у них с дисциплиной строго. Подобрал кусок стали – оперение мины, кинул в сторону танка. Железка негромко плюхнулась на землю. Часовой подал голос, что-то спросил. Правда дисциплина. Он сидел в окопе под танком, что-

то скрипнуло, произошёл короткий диалог. Блин, надо учить немецкий.

Я откинулся на спину, открыл рот. Снежинки падали на лицо. Хорошо. Холода уже не чувствую. Наверное, это плохо. Что дальше делать? Назад, к своим отходить? А утром опять с самого начала сюда бежать? Уже не получится так ловко – сильно мне досталось сегодня. И танк этот, как волнорез, стоит посреди. Стальной дот, гля! Не видел я у штрафников ни пушек, ни пэтээров, даже гранат не дали. Погибнут все прямо на этом пятачке! Не за медный грошик.

Я аж сел. Блин! Я-то уже здесь! И похоже, враг обо мне пока не знает. А уж танки уничтожать – прямая моя профессия в этом мире. Граната! Нужна граната! Не с пистолетиком же штурмовать танк! Так, ту гранату я нашёл там. Оттуда и начнём поиск оружия. Я пополз, тыкаясь в каждый подходящий по габаритам бугорок.

– Стой! Кто идёт? – хриплый окрик подействовал на меня как ведро кипятка. Чуть не вскочил, вопя.

– А ты кто? – спросил я в ответ.

– Ща гранату кину!

– Я те кину! Что, не слышишь, свои? Кузьмин я.

– Иваныч! – хриплый голос явно обрадовался. – Прохор, я же говорил, живой он!

– Ваня? Прохор? Вы как тут?

Я скатился в ту самую воронку, где мы беседовали с Прохором. Парень мне и рассказал, как нашёл Ивана с перебиты-

ми ногами, потащил его в тыл, а он упирался, ко мне, Кузьмину, рвался.

– Прохор, ты и так можешь? – удивлённо спросил я, при изменчивом свете ракеты разглядывая измочаленные на бёдрах штанины Ивана. Парень лишь кивнул. Он был в полубморочном состоянии, клевал носом. Я его уложил на бок, Прохор сразу уснул.

– Иваныч, ты не представляешь, ходит этот детина по полю боя в полный рост, хватает раненых по двое-трое за раз и тащит в тыл. Ни одна пуля его не берёт. Я его умолял, как узнал, что он тебя видел. Я сразу за тобой бежал, отстал, потом мне пулемёт по ногам долбанул. Как ломом пробил. Кро-вищи! Перевязался, а она не перестаёт. Если бы не Прохор, помер бы давно. Ты бы знал, как я ему обязан! Как он меня залечил – просто чудо! Руки положил, горячо стало, как утюгом прижёт. Я сознание потерял, а как очнулся, глянул – только шрамы и остались. Прохор говорит, хорошо, что пули навывлет прошли.

– Ваня, не тренди, башка и так болит. Где граната?

– Какая граната?

– Ты сказал, гранату кинешь.

– Так пугал я! Нет гранаты. И ружья нет. Нож только остался.

– Я слышал, ножевым боем владеешь?

– Дед научил. И другим ухваткам. Он пластуном был, пока ногу не отрезали.

– Судьба, видать, у вас такая, в ноги приходит. Гранаты нужны. Танк этот надо грохнуть, не даст он нам житья. Полезли искать.

– Где искать-то?

– Везде. Я вот тут – видишь ноги? – одну нашёл.

Иван отшатнулся резко от трупа. Он его, оказывается, за кочку принял, голову прикладывал. Растолкали Прохора, но ничего вразумительного добиться от него не смогли – только буробил что-то, не просыпаясь.

– А, нафиг, полезли!

Ползали очень долго, но самое обидное – безрезультатно. Нашли несколько десятков разнокалиберных патронов, два штыка от трёхлинеек, пару дырявых фляг.

Приползли к Коту. У него от ушей за шиворот пробежали две чёрные полоски. Слышал он плохо, приходилось громко шептать в самое ухо, даже сидя шатался, как пьяный. Говорить вообще не мог, мычал только. Да, контузия – это не бочонок мёда, штука плохая. Я махнул на него рукой и отправил к Прохору, но он вцепился в мой изодранный рукав, достал другой рукой нож, виртуозно стал крутить его, смотря на меня умоляющими глазами, как пёс, выпрашивающий шоколадку.

– А, полтора всё лучше, чем один, – махнул я рукой. Кот расцвёл, сграбастал ещё и штык. Иван тоже взял штык. Я им тихим шёпотом, а для Кота ещё и сурдопереводом жестами обрисовал план нападения на танк. Гранат нет – будем брать

в ножи. Поставим танк на перо!

Руины столицы (1942 г.)

Ставим танк на перо

И почему я в школе учил английский, а не немецкий? Блин, найду Кадета, начну брать уроки. Что-то последние месяцы этот язык стал жизненно необходим. Особенно при моих авантюрных атаках. А авантюрные они от безвыходности. Вот и сейчас я шёл с открытой флягой спирта в левой руке, облившись им, и ножом в правой. Шёл по неглубокому ходу сообщения от позиций врага к танку, решив, что с этой стороны немецкий часовой будет ждать угрозы меньше. Тем более такой открытой и наглой. Тут бы что-нибудь по-немецки лопотать, но не «хенде хох» же и не «Гитлер капут»? И я запел пьяным голосом единственное, что ещё знал из немецкого:

Ду, ду хаст, ду хаст михшт,

Ду, ду хаст, ду хаст михшт, ду хаст михшт гефраг...

Жаль, что я не понимаю, о чем пела группа «Рамштайн». Может, не в тему?

– Хальт! Хатра-бурта! – окликнул меня часовой, нарисовавшись прямо передо мной, и направил на меня винтовку со штыком.

Я же пьяный! Я ему добро, можно сказать душевно, улыб-

нул, сделав удивлённое лицо (в темноте хоть видны мои актёрские потуги?), пошатнулся, протягивая флягу, уронил её под ноги озверевавшему от охерения часовому.

– О, швайне! Майн шнапс! – захрипел я, дёргаясь за флягой, естественно не удержав равновесия, пролетел мимо штыка. Чтобы не упасть, схватился за винтовку, дёрнул. Часовой тоже дёрнулся, но поздно, парень, метаться – лезвие ножа вошло ему под подбородок. Кровь хлынула потоком, я подхватил падающее тело, кашлянул громко три раза – это сигнал моим бойцам.

Меня затрясло и начало мутить. Ё-моё, будто первого завалил! Я аж зарычал от злости на самого себя – расклеился по госпиталям да по тылам, как барышня!

Юркнул под танк. Там мог быть ещё один дозорный, но обошлось. Если бы был – уже пристрелил бы меня, пока я рефлексировал.

Под танком было темно. Я загрохотал по днищу рукоятью ножа:

– Ду хаст михшт гефраг...

Заскрипев, открылся нижний, аварийный люк, выбросив изнутри полоску света, вылезла голова в нелепой пилотке поверх серого пухового платка. Глаза немца были широко открыты, как у всякого, кто попадает со света во тьму. Он спросил что-то вроде:

– Ватыс лост?

– Сам ты лось, – буркнул я в ответ, сграбастал его за во-

ротник и со всей силы и массы дёрнул вниз. Немец и так был, наверное, в неустойчивом положении, вывалился из танка, как пробка. Мало того что я его уронил на голову, так ещё и рухнул ему на горло коленями, а потом, чтобы уж наверняка, всадил нож в грудь. Это всё заняло долю секунды, потом я метнулся дальше по окопу, уходя из пятна света, чтобы меня не пристрелили, сел на задницу.

Из танка слышались грохот, ругань, крики. Пока я подобрал ноги под себя, пока поднялся – валенки очень тёплая обувь, но вот переход из положения сидя на пятой точке в положение стоя в них производить – целая эквилибристика. В общем, пока я поднялся и опасливо заглянул в танк, оттуда уже нёсся вопль:

– Иваныч! Кота убили!

Я, как тот Винни-Пух, в лаз в днище танка смог просунуть только голову. В танке горела лишь одна лампа за решётчатым плафоном, но её света оказалось достаточно, чтобы увидеть, что внутри филиал скотобойни – столько крови было вокруг. И только две пары глаз – отчаянные от бессилия глаза Ивана и застывшие от боли глаз Кота, голова которого лежала на коленях Ивана, а руки держали торчащий из груди тесак немецкого штык-ножа. Кровь хлестала из Кота ручьём.

– Прохор! – заорал я. А, плевать теперь на маскировку и тишину. Мы под стальной громадиной танка, а Кот истекает кровью на моих глазах. А Прохор спал там как убитый. – Прохор!

Казалось, своим истошным воплем я разбудил не только немцев, наших, но и сами небеса: вокруг загрохотало, засвистело, зазвенело и зажужжало. Глянув в просвет меж бронёй и землёй, увидел пунктиры трассеров, протягивающиеся как с нашей стороны, так и со стороны немцев, свистели и рвались мины, на фоне этой свистопляски бесшумно взлетали осветительные ракеты.

Проход нырнул в танк через верхний люк рыбкой (не застрял, хотя выше меня на полголовы и обширнее раза в полтора, хотя вру, в ватнике и «доспехе» я такой же объёмный). Сонными глазами осмотрел нас.

– Кот! – заревел я. – Спаси его! Сделай что-нибудь!

В броню как будто сыпанули горохом – то ли пули, то ли осколки. Проход быстро скинул рукавицы, стянул через голову ватник, расстегнул и распахнул, насколько смог, одежду на груди Кота, вздохнул несколько раз, будто перед прыжком в прорубь. Резко выхватил тесак из груди Кота (блин, какой же он длинный!) и накрыл хлынувшую фонтаном рану ладонью, вторую подвел под спину Кота, зажмурился, зашептал что-то.

Мы с Иваном, замороженные, смотрели на его лицо. После очередного перестука по броне я опомнился.

– Блин, а если они в контратаку пойдут? – вслух подумал я. – Ваня, оставь Кота, это Прохода дело. К пулемётам!

Сам я, откинув сапог, вернее ногу немца, потянул вниз пулемёт с толстым «блином» наверху, лежащий в танке. Видно,

в суматохе его спихнули в угол. Вытащив пулемёт наружу, заглянул в поисках ещё нескольких таких толстых дисков.

Так вот ты какой, дегтярёв-танковый! Он был не легче пехотного собрата, но короче, рукоятка пистолетная, приклад складывается. Пулемёт мне сразу понравился. Ещё бы работал надёжно. Судя по отсутствию здесь МГ, немцев надёжность трофейных ДТ устраивала. А если их, привередливых, устраивала, то меня и подавно.

Разложил сошки, передёрнул затвор, выпустил короткую очередь в сторону немцев. Хреново – пламегаситель отсутствовал, вспышка слепила меня и демаскировала позицию. Опустил пулемёт, пытался вглядываться в мельтешение теней и вспышек перед собой. Потом решил, что пока немец долбит из миномётов, в атаку не пойдут. Сел на землю. О, провод! К хренам! Перерезал его ножом, заглянул в танк. Прямо надо мной висели пропитанные кровью валенки Ивана – это он через перископ главной башни оглядывал окрестности, сидя в командирском кресле. Прохор, всё в такой же медитации, что-то шептал одними губами. Кот был без сознания, бледен, даже чёрен, но кровь меж пальцев Прохора больше не бежала.

Только теперь заметил, что в танке теплее, чем снаружи, и увидел маленькую железную печку, задвинутую теперь в самый нос танка, слева от сиденья механика-водителя.

В танке тепло, но больно уж кроваво. Схватил за штанину одного из немцев, потащил его вниз, сгребая его телом заод-

но целый водопад густой крови. Облился. Твою-то дивизию!

– Иван! Давай выталкивай этих недоносков сюда, пока не закоченели!

Он выталкивал тела из танка, я оттаскивал, обыскивал, раздевал. Трофеи в одну кучу, одежда – в другую, тела – наружу, в ход сообщения. Из тел построил баррикаду, их шмотками убрали кровь. Пока возились, стрельба притихла, что не могло меня не насторожить. Прохор уже закончил с Котом, правда выглядел теперь не лучше Кота – почернел, лицо осунулось, глаза ввалились. Они оба теперь спали в танкистских креслах.

Глядя на них, и я понял, что устал смертельно. Ого, в танке были часы – 5:45. Уже утро. Сунутся немцы проверять нас или нет?

– Иваныч, залазь, вздремни тоже, – прошептал Иван.

– А ты?

– Так я поспал в той воронке. Пока тебя не нашёл. Это Прохор так сделал. Ты, говорит, много крови потерял. Ткнул меня пальцем в лоб, я и уснул мигом. Проснулся, как тебя услышал. Так что я нормальный, выспался.

– Ладно, задраим все люки, и хрен на них всех!

Я засунул в танк пулемёт, запасные диски, залез через главную башню, сел в кресло заряжающего, показавшееся мне очень-очень удобным, пробурчал:

– Жаль, что снарядов нет. Мы бы им навели шороха... Снаряды... Хоть патроны есть... Четыре пулемёта...

Я уже не видел, что Иван насмешливо смотрел на меня. Потом он стал перебирать рычагами, вручную поворачивая башню на врага. У этого танка была пулемётная точка и в корме башни, но спереди обзор всё-таки лучше. Так же решили и немцы, кормовой пулемёт сняли, заменив заглушкой.

– Ух, немчура! – радостно прошептал Иван. – Вот удивитесь вы утром, когда мы вам из трёх пулемётов всыпем!

Развернув башню, он стал набивать патронами из брезентового ведра, любезно припасённого немцами, диски. Именно за этим занятием, снаряжением дисков, мы и застали их врасплох. Жаль только, Кот так нелепо нарвался на штык. Иван озабоченно посмотрел на лицо Кота. Тот спокойно спал.

– Ничего, глядишь, оклемается. Этот Прохор шаман, наверное. Он же сибиряк. Ага, они сибиряки все такие. Здоровые, что быки племенные, да странные. И шаманы в ихнем лесу живут. Тайга их лес называется.

Так он сам с собой и разговаривал, хотя раньше за ним подобного не замечалось. Верно говорят, что война как домна – в неё вошёл кусок, а вот что выйдет? Таким, каким был, не выйдет. Изменится форма, состав, плотность. Лишнее выгорит, ценное – останется. А если нет в человеке ничего ценного, ничего и не останется. Из ценной руды – слиток металла получится, из пустой породы – так шлак и пепел и будет. А пепел в трубу вылетит.

Руины столицы (1942 г.) Атака

Ротный вскинул ракетницу и выстрелил в небо. Зелёная комета унеслась к низким облакам, продолжавшим сыпать мелким снежком.

– Ура! За Родину! – закричал младший политрук, вскидывая автомат над головой, и побежал на запад.

– У-у-а-а! – подхватили десятки глоток.

Это был второй бой младшего политрука Назарова Сергея Николаевича, вчера ещё комсорга бригады промысловиков-лесозаготовителей. А вчера был первый. И был бы последним, не услышь комсорг случайно напутственной речи этого странного бойца Кузьмина, изуродованного шрамами, с серыми, как орудийная сталь, глазами, вечно насмешливыми, но иногда жёсткими и холодными, словно стволы расстрельной команды. Тогда он поразился, как слова эти сразу дошли до самой глубины сознания, подумал ещё: «Учись, политрук, как надо людей в бой напутствовать!» Изуродованное тело Кузьмина и особенно слухи о его подвигах, дошедшие до Сергея от конвоиров, убеждали, что всё, сказанное Кузьминым, не теоретические заумствования, а готовая «технология», опробованная и проверенная. Назаров последовал совету Кузьмина, наступал перебежками, пока его не отчитал ротный. Оказалось, что командирам зазорно валяться в снегу и гнуть спины пулям. Дурость. И он понимал, что

это дурость. Но ротный был его командиром. И политрук с тоской видел, как пулемёты и миномёты рвали людей на куски.

А потом рота залегла под плотным огнём.

– Политрук! Поднимай роту! – приказал ротный.

И Сергей встал в полный рост и повёл людей на огонь. Вокруг него бойцы падали замертво, а он остался невредим, хотя поднимал роту ещё два раза. На этом всё и закончилось. Отошли, оставив на поле десятки убитых, десятки раненых, пропавших без вести. Пропал и этот Кузьмин. Сергей был очень расстроен – такие потери без какого-либо результата. А вот ротный не унывал. Он составил рапорт о ходе боя, о потерях, нажрался спирта, стал учить жизни желторотого политрука.

– Ну и что, что не взяли? Завтра опять пойдём! Главное – мы не даём врагу снять части с этого направления, понимаешь? Мы держим их. А никто и не хочет, чтобы мы брали эти три дома. Если бы хотели, танки бы нам дали, поддержку арти... арти... пушек бы нам дали. А так – надо немцев держать, да этих ублюдков предателей руками немцев в расход пустить.

Сергей был поражён до глубины души цинизмом ротного. Но он был мягким, неконфликтным человеком, спорить не стал, ушёл из штабного подвала в роту, к штрафникам. С этого момента в душе Сергея поселился протест, неосознаваемый, потому терзающий.

И вот сегодня Сергей увидел, что уже не десяток человек наступает перебежками от кочки к яме, а большая часть роты. И правильно говорил Кузьмин, это единственный шанс выжить.

– И мне тоже, – сказал себе Сергей. Он был уверен, что у ротного отношение к нему, второму командиру в роте, не менее циничное, чем к остальным штрафникам.

Изменение боя относительно вчерашнего дня штрафники отметили сразу. Танк Т-28, оставленный экипажем и попавший в руки немцам ещё осенью, до сих пор мешавший, как кость в горле, молчал. Даже башню отвернул от штрафников. Все уже знали, что в нём был корректировщик, именно он наводил убийственные залпы миномётной батареи из-за домов. Но в этот раз огонь миномётов был не прицельным, били по площадям.

Штрафники приободрились, увидели проблеск надежды. Первые сто метров проскочили быстро, дружно и почти без потерь. Перевалили «гребень», но попали под пулемёты. Сразу начались потери, темп наступления упал.

И только тут заметили, что танк молотит не в штрафников, а старательно причёсывает окна трёх полуразвалившихся многоэтажек. Над башне приоткрылся люк, и чья-то рука привязала к обломку штыря антенны красный флажок, каким танкисты отдают в бою сигналы. Как будто неведомые танкисты, бросившие повреждённый танк осенью, устыдились и этой ночью вернулись в свою боевую машину. Стала

понятна причина ночного переполоха и утренней бешеной перестрелки. Штрафники думали, что немец решил устроить ночную атаку, а это танкисты отбивали свой танк!

– Ура! – прокатилось по цепи штрафников. Поднажали.

Политрук добежал до танка, с непривычки с трудом забрался на моторное отделение этого трёхбашенного монстра, забарабанил в броню прикладом.

– Эй! Танкисты! Покажись, дай обниму! – кричал он радостно.

Люк откинулся, из танка высунулась голова целиком в спёкшейся крови. Сергей отшатнулся и чуть не упал с танка. «Танкист» поймал его за рукав, бурые губы расплзлись в усмешке:

– Ты чего шарахаешься, политрук, аль не признал? А так я разве симпатичнее?

Я скатал наверх маску, младший политрук просиял:

– Кузьмин! Нашёлся!

– Да я и не терялся. Вот, гляжу, танк бесхозный стоит, ржавеет. Уже хмыри около него трутся.

– Хмыри? Трутся?

– Да. Там, перед танком, в канавку сложил.

– Кузьмин, ты не представляешь, что ты для роты сделал!

Ты... Ты...

– Почему же, представляю. Жизни людские я спас.

– Кузьмин, золотой ты человек, я на тебя представление

напишу. На снятие судимости, к награде...

– Политрук, не спеши! Бой ещё не окончен. И ещё, не один я был. Со мной Бугаёв Прохор, санитар, бойцы Иван Казачок... Ваня, как там твоя фамилия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.